

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

МАРИЯ СТРЕЛОВА
ИЗОЛЯЦИЯ

 FUTURE CORP.

Метро

Мария Стрелова

Метро 2033: Изоляция

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Стрелова М. А.

Метро 2033: Изоляция / М. А. Стрелова — «Издательство АСТ»,
2016 — (Метро)

ISBN 978-5-17-098570-8

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Они не начинали эту войну. Они не были к ней готовы. Не бойцы, у которых за плечами служба в «горячих точках» или хотя бы армейская «срочка». Не выживальщики. Не ученые и даже не люди рабочих профессий. Всего лишь студенты-гуманитарии и несколько их преподавателей, чудом спасшиеся в день Катастрофы. Вчерашние дети, вполне безоблачное «вчера» которых в один момент обернулось страшным «сегодня» и совершенно непредсказуемым «завтра». И все же они не сдались, даже оказавшись в полной изоляции. Только вот беда никогда не приходит одна: тайна, которую двадцать лет хранит заместитель начальника бункера Марина Алексеева, в любой момент может превратить кошмарный сон в реальность...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098570-8

© Стрелова М. А., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Поколение дозорных	7
Пролог	17
Глава 1	21
Глава 2	30
Глава 3	48
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Мария Стрелова

Метро 2033: Изоляция

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

© Глуховский Д. А., 2016

© Стрелова М. А., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Поколение дозорных

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Привет, друзья! Или, как принято нынче в Сети выражаться, «доброго времени суток»!
Боюсь показаться банальным и предсказуемым, и все же я в очередной раз тут думал. Люблю я это дело и ничего с собой поделатъ не могу.

А думал я вот о чем: на презентациях книг нашей серии я время от времени задавал авторам один и тот же вопрос с вариациями. Дескать, случись, не дай бог, и впрямь все так, как придумал когда-то Дмитрий Глуховский, кем бы ты себя, дорогой автор, видел в том ужасном две тысячи тридцать третьем?

Разумеется, на малопрестижных и бесприбыльных должностях свинаря, крысоведа или, там, еще какого возделывателя грибной плантации никто себя не видит. Даже честными челноками-торговцами или работниками общепита господ писатели быть не хотят. Не хотят также стоять у станка, чинить электрику или крутить гайки, качать помпы насосов или рычаги дрезины. А признаться в том, что ты в душе крутой наемник или просто героический сталкер, – не иначе как врожденная скромность мешает. Впрочем, врать не стану – у Шабалова и Цормудяна я не спрашивал.

Проще всего, конечно, врачам. Особенно если хирурги да терапевты. Или даже – психотерапевты. Вот уж кто без работы не останется! Вот уж кого на любой станции, в любом бункере с руками оторвут. И по специальности работа, и почет, и уважуха, и верный кусок. Пусть даже крысятинны. Хотя тоже как посмотреть. Проще – это когда ты в белом халате накрахмаленном да в уютном кабинете с девяти до пяти умные слова неразборчивым почерком в картах пишешь. Когда к тебе, офтальмологу, никому и в голову не придет заявиться с множественными огнестрельными, да осложненными сепсисом, или умирающего непонятно от чего ребенка принести, а у тебя из медикаментов – аспирин просроченный.

Вот и крутят авторы руками, принимая смущенные позы, вот и бормочут, что «вообще-то я себя не представляю никем: ни красным, ни коричневым (в смысле – жителем Ганзы; впрочем, жителем Четвертого рейха – и подавно), ни принцем, ни нищим. Как там в сказке «Про Федота-стрельца» говорилось: «Ни в парше, ни в парче, а так – вообще».

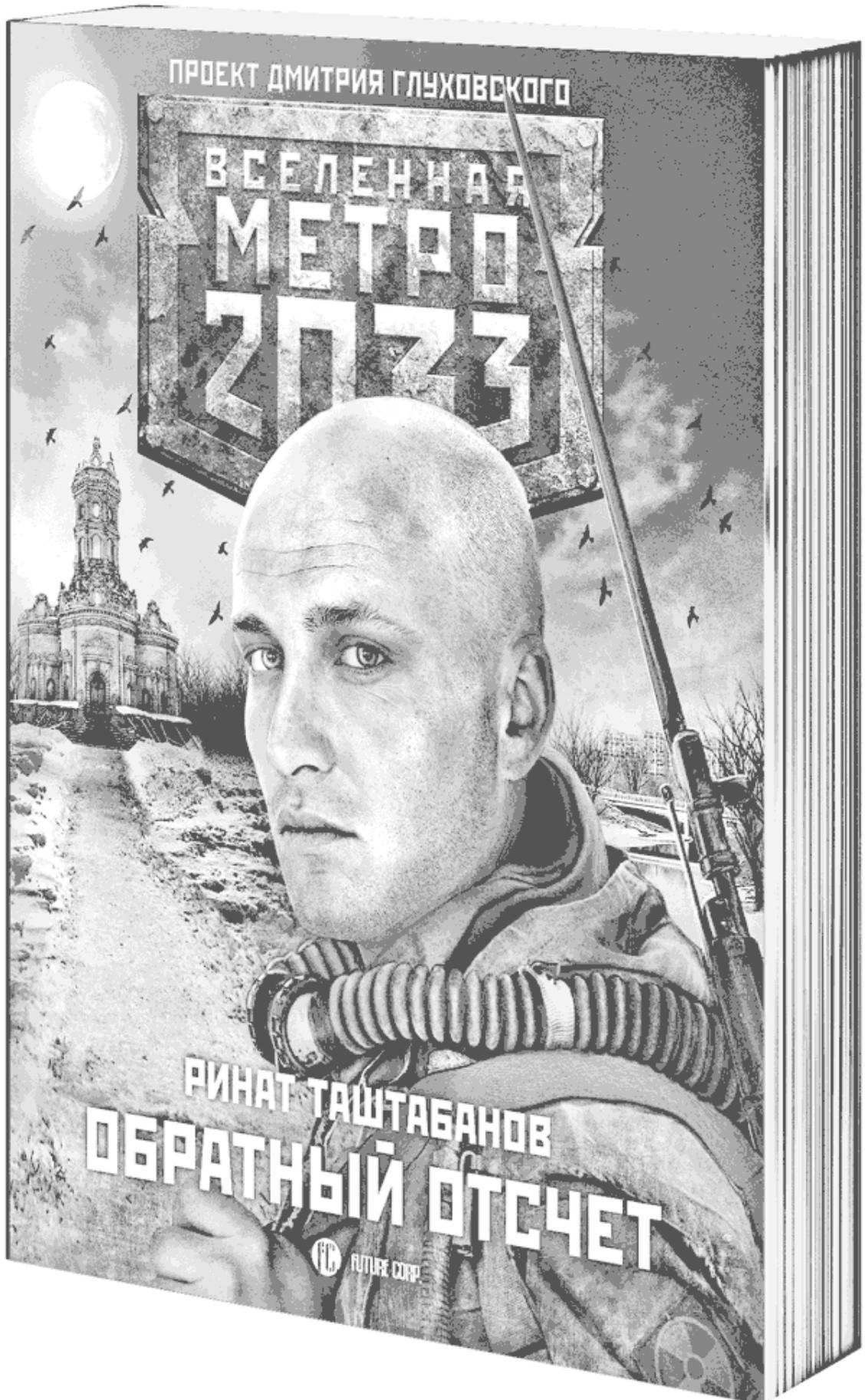
Правда, есть еще один замечательный выход. Буквально лазейка. Объявить: я, мол, дозорным буду. Круто же! Почти военный. С оружием. На посту. У костра. А по ту сторону – тьма и монстры. Да сам Артем, кто забыл, дозорным начинал! А стал – о-го-го!

В общем, миг – и существо бесполезное, бессмысленное и трудиться тяжело день за днем не желающее – ведь не желающее, чего уж там лукавить – превращается в очень даже нужное и полезное. Без которого прям вот никуда. У нас таких во всех учреждениях по всей стране – сотни тысяч. Вполне крепкие дяденьки (тетеньки, впрочем, тоже), в деловых костюмах или форме, а некоторые даже с оружием, день за днем гадающие кроссворды, дующие чаи, бегающие на перекур и прочим образом изнывающие от безделья. Зато как любят документы проверять и замечания посторонним делать! Как же, человек не просто так тут поставлен! Он порядок блюдет! Чтобы все было как надо, а как не надо – не было.

Никого не хочу обидеть сейчас, друзья. Честно и искренне. Да, охранники всякие бывают – иные ведь и жизнью рискуют, и без них действительно тяжело. И во Вселенной Метро от бдительности такого вот паренька со стареньким «калашом» очень много зависеть может. И сам я, если подумать, существо совершенно такое же – совсем не героическое, для жизни в постапе не предназначенное. Меня в простую русскую деревню вывези да брось одного – не факт, что выживу.

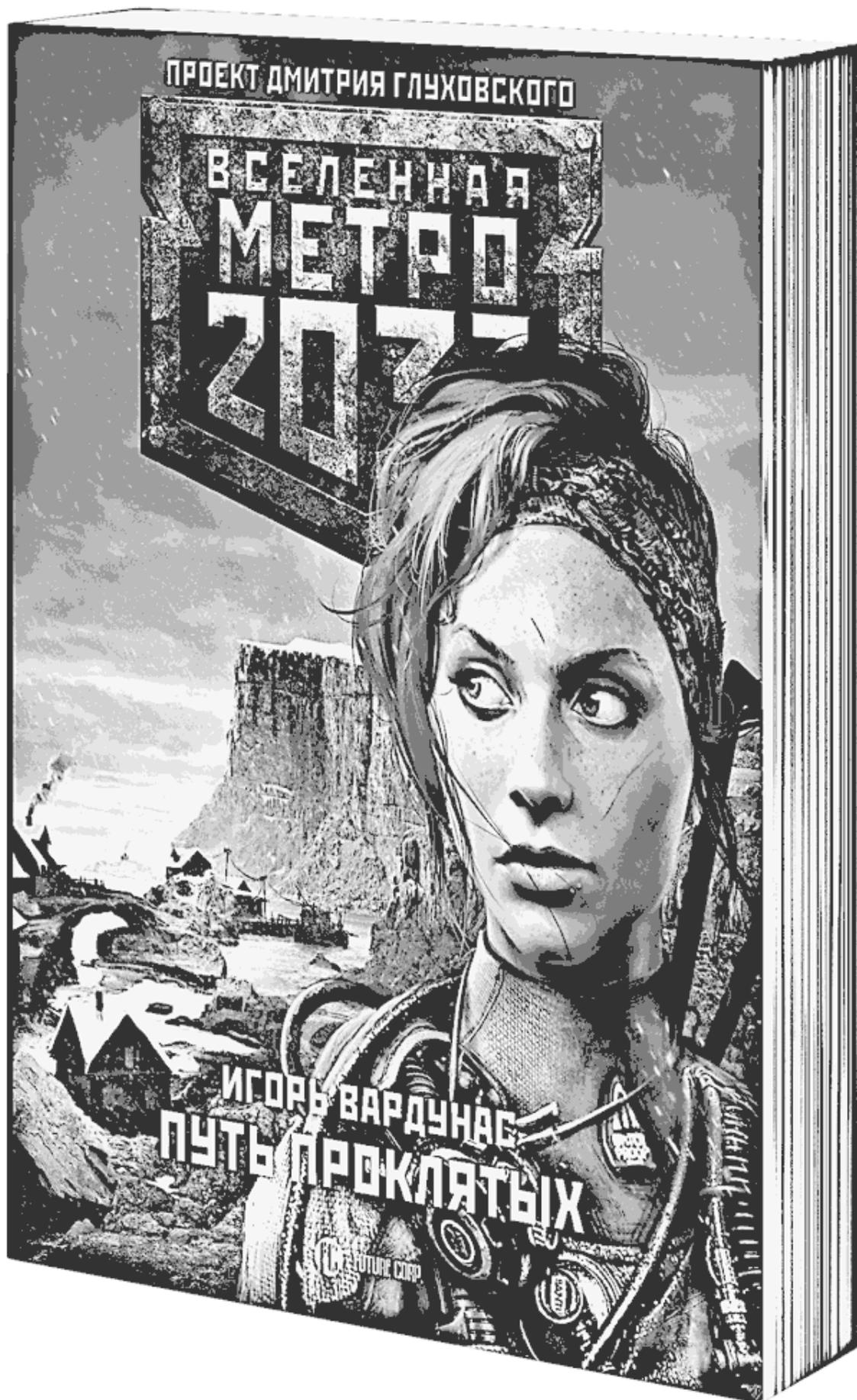
Но все же, задумываясь снова и снова, я прихожу к очень печальному выводу: случись что – и мы, жители современных городов ан масс, обречены. Потому что поколение дворников и сторожей, о котором пел страшно сказать сколько уже лет назад Борис Борисович, странным образом модернизировалось в наше время. И дело не только в том, что вместо сторожей появились дозорные.

* * *



Он давно забыл свое прежнее имя, зато привык смотреть на людей через снайперский прицел. Вокруг него – мир, сгоревший в огне. В его сердце бушует ад. Чтобы обрести себя, ему пришлось потерять все. Вера помогла ему выжить. Жажда мести определила его дальнейший путь. Теперь только от него зависит, кому жить, а кому умирать. Он знает, что за все придется платить, и смерть идет за ним по пятам. Но сможет ли он, заглянув в бездну и испив горькую чашу судьбы до дна, получить искупление? Этого не знает никто. Ведь предание гласит: когда оковы цивилизации падут и обнажится звериный оскал человека, время повернется вспять и начнется обратный отсчет...

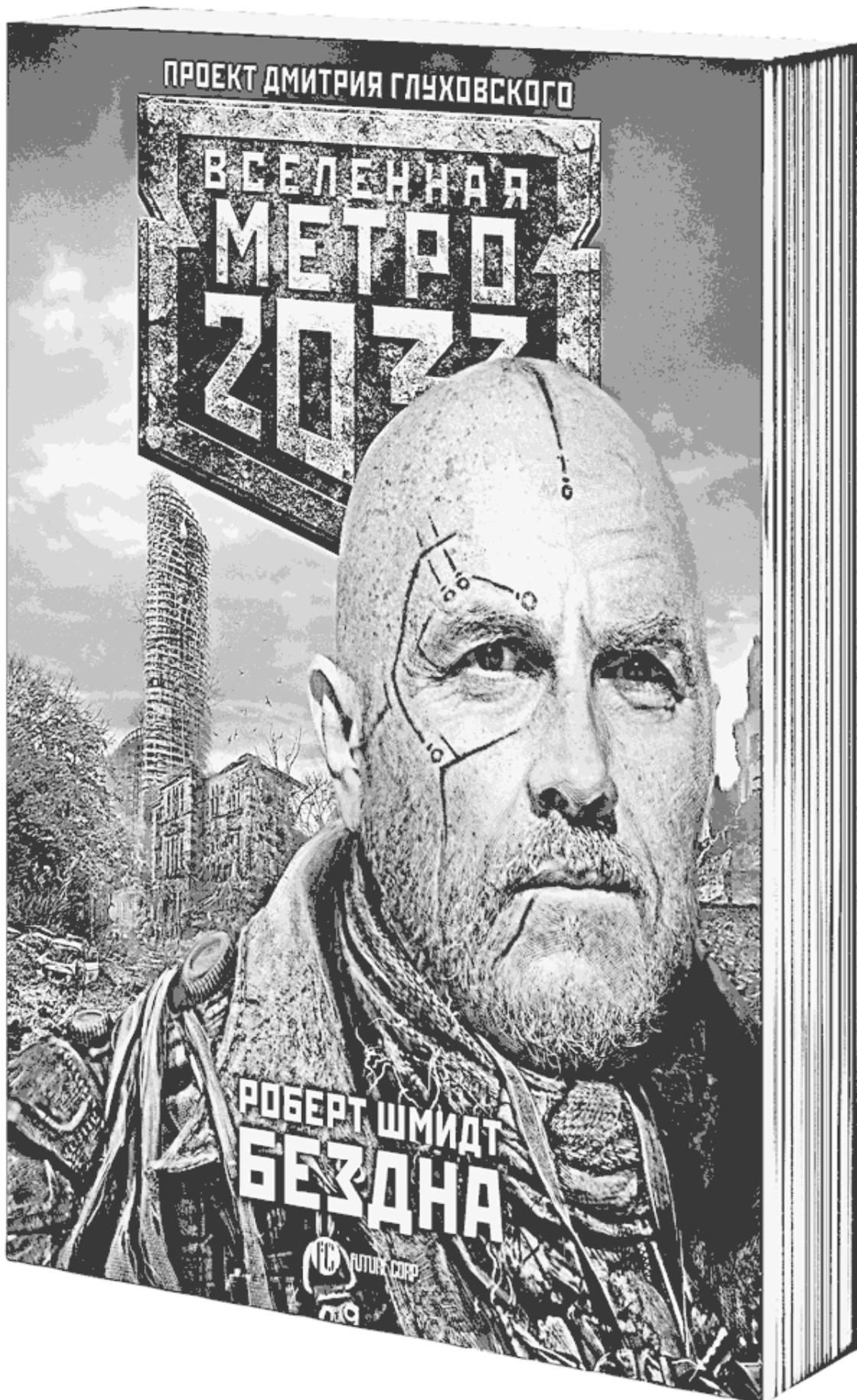
* * *



Многие надежды оказались разбиты, многие стремления были напрасны. Быстро меняющийся мир жесток к тем, кто когда-то самонадеянно считал себя его повелителями. Но где-то там, за горизонтом, остался родной дом, который посылает мольбы о помощи. А значит, Лерке Степановой и команде атомохода «Иван Грозный» пора отправляться в очередное плавание, полное новых открытий и опасностей. Ведь каждый путь, сколь бы долгим он ни был, однажды должен завершиться.

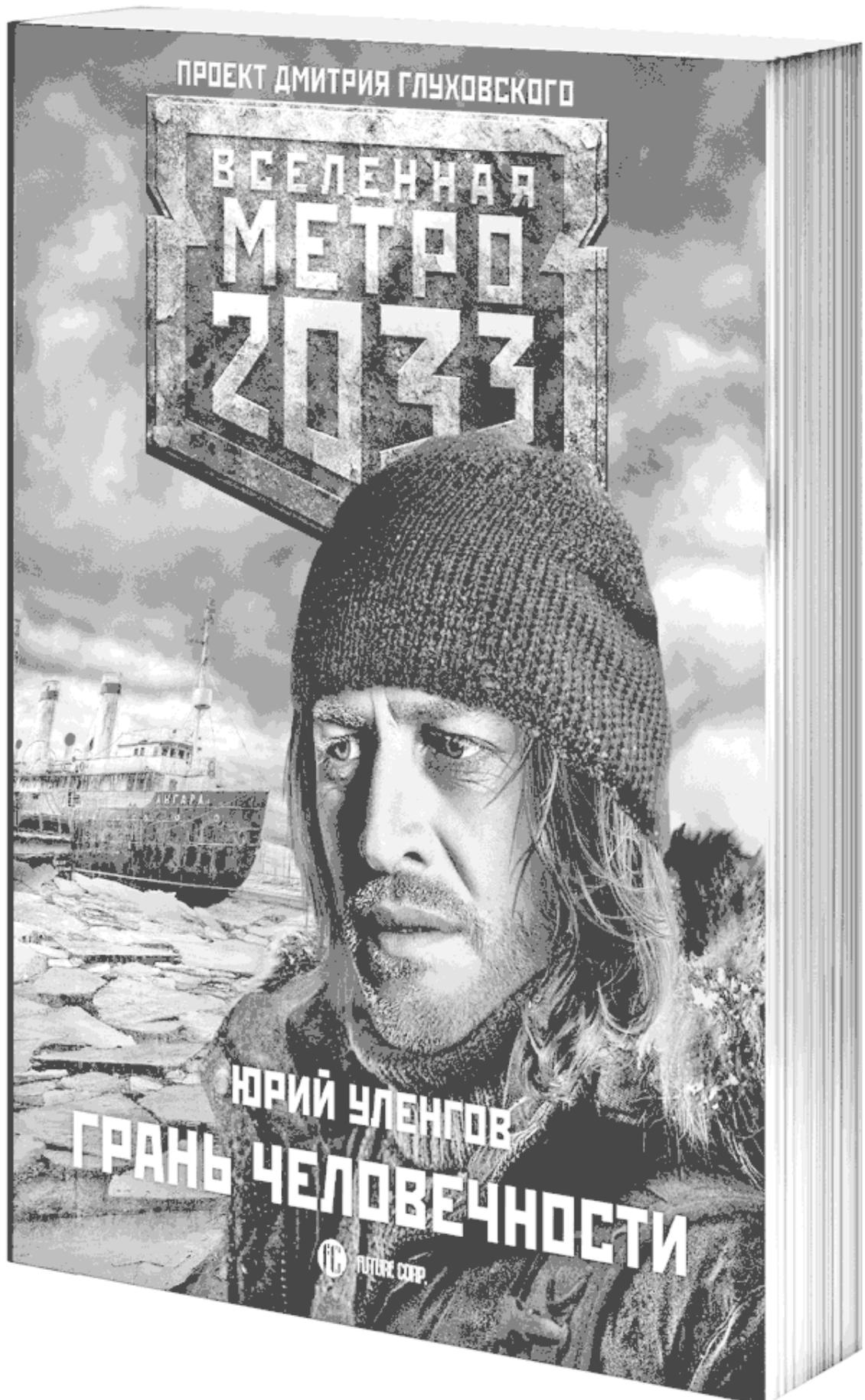
Пусть даже кто-то назовет его путем проклятых.

* * *



Имя, данное ему при рождении, он забыл. Имя, под которым он был известен когда-то, лучше не вспоминать. Ныне его знают как Учителя. В мире, где больше нет места любви, жалости, искренности – ничему человеческому, он старается жить по-людски. Читить справедливый кодекс анклава, воспитывать сына, заниматься с детьми в школе. Иногда приходят страшные воспоминания, но ненадолго. И все же наступает время, когда темное прошлое, которое он так хотел забыть и искупить, снова требует крови. И он бежит по грязным подземным тоннелям и зараженным улицам Вроцлава. Но разве от прошлого убежишь?..

* * *



Сквозь снег и мороз, через постъядерную тайгу и безмолвные, пустующие города. По снегу и льду Байкала туда, куда влечет тебя собственное безумие. В Иркутск. Пройти по краю, постоянно балансируя на тонкой грани человечности. Переступить ее, когда нужно быть зверем, – чтобы победить тех, кто давно перестал быть людьми. Взять верх над природой, врагами и самим собой.

Чтобы выжить. Чтобы спасти тех, в чьем существовании не уверен. Чтобы понять, осталось ли в тебе самом что-то от человека или зверь, проснувшийся семнадцать лет назад, – безраздельный хозяин твоего сознания.

Пролог

Очередная экспедиция вышла на исследование элитных жилых кварталов в районе Мосфильмовской улицы. Марина Алексеева, шедшая впереди всей группы, просматривала дома в прибор ночного видения. Все ребята держали автоматы в боевой готовности, выцеливая возможную опасность.

– Стоп! – шепнула женщина, подняв руку.

Впереди замерцал фонарь. Три круга по часовой стрелке.

Разведчики быстро отошли с широкого проспекта к домам.

Сигнал повторился. Марина по-прежнему не включала фонарь, надеясь, что люди, показавшиеся впереди, не захотят связываться с сомнительными личностями, разгуливающими по ночному городу и не откликающимися на условные знаки.

– Там кто-то есть! Точно! – донес ветер приглушенный голос, искаженный фильтром противогаза. В тишине замершего мегаполиса даже этот еле слышный шепот был услышан. К тому же противогазы бункера, совсем старые, больше похожие на резиновые маски¹, не закрывали ушей, а резиновый капюшон плаща химзащиты не мешал слуху.

– Пригнитесь! – тихо скомандовала Марина, оборачиваясь к группе.

– Руки вверх! Не двигаться! – потребовал мужчина, держащий в руках фонарь. – Вы на прицеле!

«Не получилось. Свалились на мою голову!» – раздраженно подумала Марина, включая фонарь. Три круга по часовой стрелке.

– Мы не сделаем вам ничего дурного! Дайте пройти! – ответила она.

Группа вооруженных людей осторожно приблизилась на расстояние трех шагов.

– Руки!

Алексеева послушно вытянула руки вверх, держа автомат за приклад. Ее разведчики последовали ее примеру.

– Кто такие? – спросил мужчина с фонарем.

– Разведчики станции метро Калужская! – соврала Марина. Она играла наугад и очень рисковала, понадеявшись лишь на неосведомленность собеседника.

– Почему не откликнулись на сигнал? – Кажется, поверили.

– Не хотели столкновения. Пожалуйста, дайте моей группе уйти, у нас слабые костюмы защиты. Я останусь и отвечу на все вопросы!

– Пусть идут медленно, не опуская рук! Ты отправляешься с нами! – приказал разведчик.

Марина обернулась к своим, кивнула:

– Идите. Вернусь, как смогу.

Медленно-медленно разведчики бункера отступали назад. Через минуту они обернулись и бросились бежать.

Марина стояла перед разведчиками, не опуская рук. Мышцы наливались тяжестью – автомат вот-вот грозил выскользнуть из пальцев.

– Тут высотки неподалеку, пойдем туда, поговорим, – подал голос один из мужчин, стоявших позади. – Все равно день пережить.

– Руки опустить. Иди вперед, – приказал командир, толкнув Марину прикладом.

Группа обосновалась в небольшой квартире в одном из старых домов, двое мужчин встали у дверей с автоматами наизготовку.

– Кто такая? – спросил старший разведчик, усаживаясь на прогнивший диван.

¹ Автор имеет в виду противогазы типа ГП-7.

– Меня зовут Марина Алексеева. Я со станции Калужская. Отпустите меня, пожалуйста. У меня плохой костюм, могу дозу радиации схватить, – жалобно заморгала она, прижав руки к груди.

– Почему станция не вышла на контакт? – Невозможно было определить, принадлежит ли голос взрослому мужчине или юнцу.

– Мы там одни остались, у нас связи нет, туннели к центру обрушились, – самозабвенно врала Марина. Она пошла ва-банк и выиграла. Ее собеседники не знали, что происходило на юге Калужско-Рижской линии.

Алексеева осматривалась, чуть поворачивая голову. Мутный плексиглас существенно затруднял обзор.

– Чем живете?

– Продуктовые магазины рядом... А нас там мало совсем, человек двадцать. Страшно. Отпустите меня, ну пожалуйста, если я еду не принесу, у нас детки умрут. – Марина всхлинула, изображая из себя перепуганную девчонку.

Она судорожно соображала, как свалить от настойчивых разведчиков. Если допрос затянется до восхода, ей придется задержаться еще часов на двенадцать, а это в ее планы никак не входило. У нее не было сменного фильтра, а дышать радиоактивной пылью совсем не хотелось.

– Ребят, чего делать будем? Оставим помирать или пойдем с ней? – спросил товарищей разведчик. – Может, хоть детей вытащим.

– Да пойдем, чего уж. День пересидим – и выдвинемся, – откликнулся один из его спутников.

– А как же мы тут пересидим? Тут же монстры! – изображая крайнее недоумение, выговорила Алексеева.

– Не бойсь. Если днем молчать, они и не ползут. Только шевелиться нельзя особо, болтать тоже. Они ночью с охоты вернутся и в соседних квартирах залягут. Только вот балконы тут недалеко друг от друга, могут пролезть. Ну да авось пронесет, отстреляемся, – усмехнулся мужчина.

– Отпустите меня, пожалуйста! Мне домой надо! – заныла Марина.

– Нет, одну не отпустим. Раз ты нам попалась – надо контакт с выжившими налаживать. Что вы тут забыли-то, на Мосфильмовской? Тут же такая гадость ползает! Что, еды поблизости нет уже? – поинтересовался разведчик, протирая извлеченной из прорезиненной сумки тряпочкой стекла противогаса.

– Надо разведывать, что и как. Мы хотели до Парка Победы дойти и заблудились, – не моргнув глазом, соврала Алексеева.

– Так правильно, вам надо было вниз, в туннель, а он завален. Только если дворами к «Парку» пробиваться, а меж домов всякая гадость гуляет. Да и нечего вам там делать, там синяя ветка, она вся на поверхности, оттуда в туннели мутанты и лезут, – хмыкнул мужчина.

– А вы-то сами откуда? – осторожно спросила Марина.

– А мы с Киевской. Если по этой улице до конца идти, – неопределенно махнул рукой разведчик, – то можно на набережную выйти, а там дворами, чтобы речным тварям не попасться, прямо к Киевской и выйдешь. А там переход на станции Ганзы.

– А чего это – Ганза?

Разумеется, она прекрасно знала это средневековое понятие, и не трудно было догадаться, что так называли Киевскую-кольцевую, а может, и всю линию.

Разведчик у двери поднял палец к губам:

– Тихо!

Краем глаза Марина видела, как за окнами алела полоска зари. Это могло означать только одно – мутанты возвращаются с ночной охоты.

«Твою мать! – мысленно выругалась она. – Теперь ждать вечера. Или валить сейчас. Не хочется подставлять ребят. Они неплохие, в общем-то. Только слишком настойчивые...»

На лестничной площадке кто-то завозился. Судя по звукам, тварь была немаленькая. Послышался скрежет соседней двери, задетой могучей конечностью. Мутант заворчал, зашлепали вверх по лестнице несколько пар лап.

В голове у Марины созрел план. Она схватила свой автомат, метнулась к выходу, оттолкнув растерявшегося разведчика, ударила по металлической двери и оказалась на лестнице.

Незаметно проскочить не удалось. Мутант повернул уродливую голову, покрытую отвратительными наростами, разинул пасть и взревел. Алексеева с трудом удержалась на ногах и поняла, что не успевает убежать. Нужно было отвлечь внимание твари. Но как? Выход только один – натравить ее на разведчиков с Киевской.

«Хана экспедиции, – мелькнуло в голове Марины. – Сунули нос, куда не следует».

Пуля ударила о дверной косяк, грохот выстрела заметался между стенами. Алексеева бросилась бежать. Проскочив несколько пролетов, она прижалась спиной к двери одной из квартир и прислушалась.

У нее получилось. Мутант отвлекся на звук выстрела и пополз к квартире, где укрылись разведчики. Теперь девушка поняла, что пара сантиметров металла для его зубов не помеха. Раздался клацающий звук, скрежет железа, а следом за ним – душераздирающий вопль, который не заглушили даже фильтры противогАЗа. Пару раз громыхнули выстрелы – и потонули в отчаянных криках. Тварь добралась до своей добычи.

Марина перекинула автомат за спину и побежала, желая успеть до полного восхода солнца. Она мчалась по Мичуринскому проспекту, задыхаясь и оскальзываясь на искореженном асфальте.

Ей снова, снова неслыханно повезло. Теперь – ценой четырех жизней. Разведчики с Киевской проявили ненужное любопытство и должны были умереть. Бункер Гуманитарного института в лице Алексеевой трепетно оберегал свои тайны.

В страшном, исковерканном мире переступить через человеческую жизнь стало обыденным и простым. Когда счет жертв шел на миллионы, один, пять, десять погибших уже не считались трагедией.

И Марина вновь перешагнула через человеческую жизнь. Перешагнула безвозвратно. Она спасла своих товарищей – жителей бункера, – когда отвлекла четверых «философов», но своими собственными руками убила четверых разведчиков.

Алексеева лежала на узкой койке в своем кабинете, тщетно ища себе оправдание. Ей было противно и тошно от самой себя. Нужно было выговориться, кому-нибудь рассказать все то, что ее тревожило, но она не могла. Не имела права. Объяснить смерть разведчиков Ганзы кому-нибудь из своих означало рассказать и о радиации, и о вынужденной и постоянной изоляции бункера. Пошатнуть более-менее благоустроенный быт и веру в светлое будущее. В возрождение цивилизации. Нет. Она не имела права отнимать последнюю надежду у вверенных ей людей.

«Зато имела право отнять жизнь!» – ехидно шептал внутренний голос.

– Нет. Замолчи. Я их не убивала! – выговорила Марина, зажимая уши ладонями. Но разве можно сбежать от самой себя?

«Ты лицемерная, двуличная дрянь, – издевалось подсознание. – Ты говоришь о том, как ценен каждый человек, готова умереть за этот бункер... Но обрекла незнакомых тебе людей на страшную смерть!»

– Я должна была вернуться. Бункер должен жить! Контакты с внешним миром означают смерть! Эпидемию, мор! Мутации! Разведчики влезли не в свое дело. Если бы они отпустили меня, я бы не стала так поступать! – всхлипывала Алексеева, ворочаясь на кровати.

«Оправдывайся-оправдывайся, – шипел голосок в голове. – Ты их убила, позвала монстра, спасая свою шкуру! Они будут являться тебе во сне!»

Марина резко села на кровати, включила свет. И вдруг отчетливо поняла: нет, погубленные разведчики не придут.

В душе будто заскрежетали какие-то невидимые стальные запоры. И словно прочной гермодверью отсекли служебные дела от сентиментальности и сострадания.

– Так должно было быть. Они поставили под угрозу жизнь моего бункера. Я натравила на них тварь. Потому что они представляли опасность для нас всех. Я выбрала единственно возможный вариант! – отчеканила Марина.

И на нее вдруг накатила страшная усталость, смешанная с безразличием. Алексеева рухнула на кровать и провалилась в сон...

Глава 1

Стук снаружи

– Потому что это Раменки! Раменки, черт возьми, и по ним жажнули так, что над нами ничего целого не осталось! Ракетный комплекс, МГУ со всеми его секретными разработками... Может, когда все это началось, они думали, что не спасут ни бункер, ни подземный город под Университетом, ни Метро-два! Что нам еще делать на поверхности, что?! Там все давно уже растащено разведчиками, а по городу шастают такие твари, что ты себе и представить не можешь!

Эхо разносило голос женщины под сводами бункера. Марина прикрыла рот рукой. Кажется, сказано было лишнее. Да еще и так громко.

Петр Васильевич присел на бетонный порог, устало наклонил голову.

– Что дальше? – тихо спросил он.

– Дальше? – медленно переспросила женщина. – Ничего. Мы все потеряли. Все, что можно было. Ты думаешь, мы сможем здесь выжить? У нас нет даже радиоаппаратуры. Мы никому не нужны, никому. Мы не знаем, как постучать в метро так, как положено, нашу разведгруппу чуть не расстреляли метрополитеновцы, с нами не хотят говорить. Неужели ты думаешь, я не пыталась? Неужели думаешь, что разведчики не стучались в запертые двери метро «Университет»? Станция изолирована, мы даже не знаем, обитаема ли она. Ходы в Метро-два завалили в первую же неделю после Катастрофы. С Воробьевых лезет такая дрянь, что выход на поверхность с ближайших станций – как на казнь. «Университет» выживет, у них инфраструктура, они давно знали, что так будет, разработчики, так их... это мы не смогли уберечь тех, кто что-то знал. Хотя кто его знает, выжил ли кто-нибудь из МГУ в этом адском пекле. Только домыслы. Только бесцельная, бесполезная надежда. Да и... Петя, зачем я тебе все это рассказываю? Ты сам прекрасно понимаешь, что наша изоляция подходит к концу. У нас не хватает сил прокормить население. У «старой гвардии», тех, кто бежал сюда, когда все кипело, бурлило и плавилось, уже несколько лет, как появились внуки. Тебе самому уже под пятьдесят. А что мы знали в этой жизни? Я – точно ничего. Я была студенткой третьего курса и спаслась не потому, что что-то значила, а потому, что мои коллеги по работе меня за шиворот в этот бункер втащили. Сколько нас тогда было? Ты помнишь? Вот и я помню. Тебе повезло. Что бы ты сейчас делал в своем Серпухове? Три убежища на весь город, куда собрали бы только самых нужных людей. И все равно – резня и грызня за место под землей, подальше от ракет и раскаленной смерти. Тебе повезло оказаться тогда в корпусе. Мне повезло. Повезло ведь, правда, а я спустя двадцать лет по-прежнему помню, что у меня в этот день был выходной, я собиралась сидеть дома, в Мытищах. Но собралась, приехала на работу за методичками. А чего теперь от Мытищ осталось? Пепелище, выжженная пустошь. Еще бы. Четыре завода... Может, новые Мытищи еще стоят, там и домики поновее. А наш район – в окружении трех заводов. «Метровагонмаш», мы еще в советские годы оборудование для Метро-два поставляли, наши вагоны правительство катали. «Мосстройпластмасс» – поди, немерено ядовитой дряни оттуда вылилось, еще когда там жили, завод дымил так, что не продохнуть, а прям у дома моего Конструкторское бюро автотехнического оборудования, в Великую Отечественную там тоже разработки немалые велись... Рядом Королев, где ракетный завод, через дорогу от моего квартала. Шарахнули по Мытищам – мало не показалось.

– Откуда ты знаешь? – прервал монолог Петя. Желание переспросить очевидное еще до Катастрофы было его отличительной чертой.

Марина присела на корточки у гермодвери бункера, взглянула на Петра с отчаянием.

– Откуда? Все лежит в руинах. Неужели ты думаешь, наши Мытищи не стали объектом удара? Всему хана... Всему этому чертову миру! – Женщина в сердцах стукнула по бронированной двери.

Эхо стихло в коридорах бункера, и в наступившей тишине раздалось: «Тук-тук-тук».

– Твою мать... – сквозь зубы прошипел Петр Васильевич, медленно отходя от двери.

– Вернулись, что ли? – раздался из коридора голос.

– Тише, Вань, тише! – прижала палец к губам Марина.

«Тук-тук-тук».

Женщина подошла к двери и трижды стукнула по металлу условным стуком. Если это разведотряд, то почему стучат не по три раза, а мерно, монотонно?

За дверью на секунду затихли. Потом вновь раздалось мерное, пугающее «тук-тук-тук».

– Что будем делать? – шепотом, одними губами спросил Иван.

– Нет, открывать нельзя. Мало ли. Черт. Что ж за дрянь к нам в гости пожаловала? – Марина потянулась к автомату, Ваня и Петр последовали ее примеру.

– Марин, подожди. Помнишь, года полтора назад наш разведчик так перепугался, что забыл позывной и условный стук? Помнишь, тогда, когда за ним гнались «философы»? Мы еле успели его втащить. Тогда он лежал на люке и скребся, так же, как сейчас. Вдруг?..

– Никаких «вдруг»! Если он и правда привел «философов», пусть там и остается, мы его уже не спасем.

– А Витю-разведчика, мы же спасли его!

– На три месяца продлили жизнь. Не более того.

– Он успел зачать ребенка.

– Что с того? Неизвестно еще, выживет ли этот полугодовалый комочек. Рита, Витькина жена, при его рождении умерла, и шут ее знает, отчего, Людмила Владимировна отклонений не увидела.

– Люда Брежнева помнит лично, ей давно на покой пора! – зло прошипел Петр.

– Она – единственный квалифицированный медик, не самоучка, – бросила Марина. – Тихо все!

«Тук-тук-тук».

Гермодверь не пропускала звуков, зато от стука резонировала знатно. И было совершенно непонятно, кто там, снаружи – разведчик или снова твари, расплодившиеся на верхних этажах учебного корпуса Московского частного гуманитарного института, которых обитатели бункера прозвали «философами» – раньше в здании находились исторический, философский и политологический факультет. Историков спаслось больше всех в тот злосчастный день.

«Философы» являлись с завидной регулярностью. Это были покрытые спутанной длинной шерстью твари, они передвигались на четырех конечностях, похожие на помесь обезьяны и кузнечика, с сухими тонкими ногами и выпирающими суставами. Только от приматов их отличали страшные челюсти с тремя рядами острых и мелких зубов, которые с легкостью рвали химзащиту и даже бронежилеты со свинцовыми пластинами. Ротовая полость не была закрыта губами, поэтому жуткая пасть казалась зевом размером с баскетбольную корзину. Маленькие глазки смотрели со злобой и ненавистью. «Философы» были вечно голодны. «Неправильно мы их назвали. В прежние времена вечно голодными были только студенты и лаборанты – историки», – смеялась Марина в редкие часы отдыха в подземном бункере. «Философов» она не боялась. Да и годы жизни под землей сделали правую руку командующего бункером особой безразличной... и бесстрашной... «Я слишком много боялась в молодости. Мне, помнится, было страшно идти по освещенным коридорам восьмого этажа на работе часов в девять вечера, мерещились в тенях монстры. Могла ли я подумать, что когда-нибудь увижу таких тварей, каких моя бурная фантазия не могла и представить, и мне будет все равно? Если постоянно есть один и тот же пирог, на десятом куске ты не почувствуешь вкус. Так же и со страхом.

Я слишком много чего боялась, и это чувство приелось, настолько вошло в норму, что стало незаметным...» – объясняла женщина.

«Тук-тук-тук».

Стук усилился. Как будто смотрящий увидел что-то и теперь стремился во что бы то ни стало попасть в бункер. «Тук-тук. Тук-тук». Нежданный гость сбился с ритма и судорожно задержал колесо герметичного люка.

Марина, Петр и Иван выжидали.

– На счет три открываем люк. Автоматы наизготовку. Без команды не стрелять. Назовем это разведкой. Волков, открываешь и закрываешь люк. Петя, страхуй меня снизу. Я пошла. Раз. Два. Три!

Скрипнуло колесо люка, тяжелая крышка приподнялась ровно настолько, чтобы Марина смогла выглянуть.

– Химзащита! – прошептал Петр. – Без химзащиты, куда...

Марина горько усмехнулась какой-то своей мысли. Химзащита... Женщина знала больше, чем полагалось знать рядовому жителю бункера...

Сверху, из черного полумрака институтского подвала на нее смотрело белое перекошенное лицо без противогаза. Губы разведчика были в крови, кажется, у него были повреждены легкие.

– Алексей, руку! – прошептала Марина. – Руку!

Парень потянул ладонь в перчатке, но вдруг взглянул наверх. На его лице отразился суевный, первобытный ужас.

– Скорее! – поторопила Марина. Она уже догадалась, *что* увидел юноша.

Леша дернулся в предсмертной агонии, из перекушенной пополам руки в лицо Марине брызнула кровь.

Женщина скользнула в люк.

– Вань, скорее!

Не успели. Под крышку люка просунулись тонкие, но мощные передние лапы «философа».

– Огонь!

Пули срикошетили от двери. Промох.

Ваня, Петр и Марина успели вжаться в стены, когда смертоносный металл с визгом отскакивал от пола и потолка.

Волков держал крепко, но все же его сил не хватало, чтобы справиться с мертвой хваткой чудовища. Крышка люка тряслась и вздрагивала.

– Держи, Ванюша, держи! – взвизгнула Марина тонким, совсем не свойственным ей голосом.

«А говоришь, не боишься...» – укоризненно шепнул внутренний голос.

Женщина прицелилась в узенький зазор между подрагивающей лапой «философа» и круглой крышкой люка.

Выстрел. Спасаясь от рикошета, Марина отпрянула назад, споткнулась обо что-то, лежащее на земле, и повалилась навзничь. В затылке запульсировала тугая, назойливая боль. Сознание померкло.

* * *

Гремели взрывы. Главное здание МГУ пылало, но выстояло: по нему прицельного огня все же не велось. Били по базам в Раменках. Но тогда Марина Алексеева еще толком не знала и не поняла, что произошло.

Частный институт гуманитарных наук, открывшийся шесть лет назад на месте очередного богом забытого НИИ, стоял на возвышении вблизи Мичуринского проспекта. Из окон верхнего этажа было отлично видно Ломоносовский проспект и величественную громаду университета. Над Раменками разгоралось кроваво-красное зарево пожаров. Старые деревянные рамы ухали и трещали от раскаленного ветра.

В коридорах учебного корпуса царила паника. Перепуганные студенты в самый разгар учебного дня... Магнитный замок на двери кафедры не работал. Молодая лаборантка с размаху толкнула дверь, схватила со стола сумку и бросилась в коридор. В общей давке и толпе ее оттеснили к двери.

– Марина, Марина! – Начальник, пожилой заведующий кафедры, где работала студентка, схватил ее за руку и потащил за собой. Спотыкаясь и падая, девушка бежала на высоких каблуках вниз по лестнице с восьмого этажа учебного корпуса. Длинная юбка зацепилась за перила, треснула по шву, колготки давно уже превратились в сплошную дыру. Как Марине удалось не потерять сумку, оставалось загадкой.

Девушка, перепуганная и запыхавшаяся, старалась не отставать.

– Быстрее, быстрее, скоро здесь всем п... наступит!

Заведующий, Григорий Николаевич Кошкин, не постеснялся выразиться в присутствии методистки. Да и – в пылающем и рушащемся здании слова уже ничего не значили.

Этажом выше кто-то надрывно визжал, слышались рыдания, всхлипывания, по лестнице катился людской поток. В этом всеобщем хаосе было невозможно разобрать, что происходит. Все бежали вниз. Где-то совсем рядом прогремел взрыв, лопнули и посыпались стекла. Ударной волной погнуло и покорежило перила, сбilo с ног бегущих. Крики несчастных тонули в треске пламени, свисте снарядов, разрезающих небо, грохоте взрывов.

Марина упала на Григория Николаевича, больно ударилась лбом о ступени.

– Скорее, скорее! – Начальник поднялся, потянул девушку за собой, перескакивая, перешагивая через упавших студентов.

Марина как сквозь вату слышала крики и проклятия, мольбы о помощи.

– Их уже не спасти, беги скорее, если хочешь жить!

Туфли на каблуках соскочили и потерялись в толпе.

Наконец, им двоим удалось выскочить на нижний пролет лестницы. Сверху послышался скрежет и грохот, потом удар, показавшийся в общей какофонии тихим. Рухнул лифт, не удержавшись на тросах и увлекая с собой тех, у кого хватило ума в общей суматохе и панике влезть туда. Наверху спасения не было. Все оставшиеся на улице сгорели заживо в тепловой волне ядерного взрыва – били по подземной ракетной базе, всего в паре десятков километров от их института. Стены корпуса спасли – но ненадолго.

Сигнал тревоги – унылое завывание сирены – Марина услышала лишь спустя двадцать минут после того, как прогремел первый взрыв, – когда они с Григорием Николаевичем вылетели по лестнице вниз, на подземную парковку. И здесь их ждал новый ужас: техника, выведенная из строя, пылала, и вместе с ней пылали те, кто пытался сбежать на машине из этого адского пекла. Страшные, полные смертельной муки вопли разрывали уши.

– Там, у стены, скорее! – Марина не ожидала такой прыти от пожилого сухонького Григория Николаевича. На работе он казался удивительно спокойным, даже голоса повысить не мог.

Коридор для персонала парковки еще не был охвачен пламенем. Марина едва поспевала за начальником, задыхаясь в ядовитом дыму горящих машин.

Наконец они выскочили к лестнице в подвал. Тут было значительно меньше народу, но давка в узком переходе царила страшная. Здесь были в основном молодые сотрудники кафедр, некоторые особо везучие студенты, пожилые доценты и профессора.

Впереди показалась бронированная дверь бункера. На третьем этаже подвала, в самой глубине переходов старого советского НИИ, под университетским корпусом.

Среди общей паники не осталось места удивлению и любопытству. Людей гнал страх и желание спастись. Толпа сзади, те, кому удалось пробиться через пожар на парковке, подпи- рала, толкала, лезла. Коридор заполнялся дымом, а в воздухе витал животный, первобытный ужас.

– Назад, назад, мать вашу, места больше нет, пошли назад!

Молодой охранник вытащил из кобуры пистолет и пытался оттолкнуть человеческую массу от двери. Прогрели выстрелы, показавшиеся в гудении огня, гуле толпы и раскатах взрывов жалкими, одинокими. Охранника смели. Одуревшие от страха люди бежали по окровавленным телам упавших, не видя перед собой ничего, кроме спасительной двери. Вот совсем рядом с нею упал, споткнувшись, молодой студент – красивый парень с темной копной волос. Алексева поймала взгляд его огромных глаз, полных слез, – парень знал, что не спасется, хотя его последний шанс казался так близок. Мир, привычный, прекрасный мир рухнул. Всех сейчас заботило лишь одно: выжить. Любой ценой выжить. Спастись из полыхающей преисподней.

Кое-кому – в том числе и Марине – повезло. Впрочем, повезло ли? Быть может, неполные две сотни человек лишь на несколько месяцев или, в лучшем случае, лет отсрочили свою гибель?

Но умереть так, как умерли те, кто остался на поверхности, было бы слишком ужасно...

* * *

– Марин Санна, Марин Санна, вставайте! Марин Санна, вы в порядке?

Заместитель начальника бункера открыла глаза.

– Илюш, привет. Что произошло?

Она лежала в медицинском отсеке на узкой кушетке. Выдохнула. Отвлеклась от гудящей головы. Села. Тряхнула короткими светлыми волосами, на которых противной коркой спеклась кровь разведчика Леши. Поморщилась от разлившейся по затылку ноющей боли.

– Что?

– Марин Санна, «философ» прорвался...

Женщина подняла глаза, посмотрела в перепуганное лицо молодого парня.

– И? – коротко спросила она.

– Убили его.

– Где тело? – Холодные, четкие, простые вопросы. А разве существовали в этом мире другие? В мире, где сантименты и лирика неуместны.

– Пока там, у двери...

– Жертвы есть? Как я тут очутилась?

Илья отвел глаза, то ли всхлипнул, то ли кашлянул. Не ответил.

– Я спрашиваю, есть ли жертвы.

– Марин Санна, вас начальник вызывает. Пойдите вы к нему, а? – промямлил юноша.

– Значит, есть. Кто, Илья, кто, говори немедленно!

– Марин Санна, пойдите к начальству, пожалуйста... – уперто бубнил Илья.

В голову женщины закралось самое страшное подозрение.

– Петя, да? – тихо спросила она.

Юноша кивнул. Молча. Марина сжала ладонями виски, стиснула зубы от невыносимой боли потери. Наконец она подняла голову, посмотрела в глаза молодому человеку. Тот отвернулся, не выдержав усталого, полного бесконечной тоски взгляда.

В мрачной тишине, опустив голову, Марина Александровна Алексева вышла из медотсека и пошла по коридору. Ее шаги гулко разносились под низкими сводами.

У тяжелой двери она остановилась, вымученно улыбнулась охраннику.

– Здравствуй! Андрей Савельевич меня ждет?

И, получив утвердительный кивок, несколько раз стукнула, повернула кольцо и вошла.

– Марина, ты соображаешь, что ты натворила?! – с порога вскинулся начальник бункера.

– Андрей, не кричи, голова раскалывается. Меня нехило приложило. Рассказывай, что произошло, – не повышая голоса, ответила заместитель.

– Нет, это *ты* мне сначала скажи, какого черта без директивы тебя понесло открывать двери кому попало?! Ты думаешь, вообще, что ты делаешь, ты соображаешь?! – кричал мужчина.

Андрей Савельевич Паценков, один из молодых ученых-политологов, спасся тогда вместе со всеми и был одним из немногих в бункере, кто помнил прежнюю жизнь. И именно его умирающий Григорий Николаевич Кошкин назначил своим преемником, повелев Марине ни на шаг не отходить от нового лидера подземного мирка. Держал ли Андрей власть? Едва ли. Алексеева знала о жизни бункера, будучи приближенной к начальству, не в пример больше. И решала главные вопросы его жизнедеятельности: снабжение продуктами и вылазки на поверхность. Номинальная власть была в руках мужчины, он же поддерживал безопасность и порядок в тесном убежище. Все же в искаженном мире доверием пользовались мужчины, защитники и добытчики. Именно поэтому в завещании Кошкин указал Андрея, понимая, что он будет лишь символом, гарантом спокойствия и стабильности. Но при нем серым кардиналом правила Марина. И послушаться ее приказа было намного страшнее, чем попасть под горячую руку Паценкова. От разгневанного Савельича могла спасти заместитель Алексеева, от самой же Марины Александровны в этом бункере спасти не мог даже сам дьявол из преисподней. Часто злопыхатели втайне просили все адские силы забрать руководительницу к чертям собачьим во время очередной вылазки. Нет. В порванной химзащите, с выдранными фильтрами противогаса – Алексеева возвращалась вновь и вновь и, кажется, вовсе не собиралась подышать, как того ожидали некоторые.

– Андрюша, не кричи, я же попросила. Если я отдала такой приказ, значит, был резон, тем более, со мной находились верные люди, отличные бойцы – Ваня и Петя. Оба – мои, истфаковские, прежних времен. Выкладывай, что произошло. И сколько я была в отключке.

Паценков раздраженно фыркнул, однако заговорил тише.

– Ты вырубилась, Ванька почти сразу отпустил дверь – руки не слушались. «Философ» влетел в тамбур, хорошо, ты на дежурство закрыла перегородку, когда входила...

Алексеева поморщилась. Неужели Паценков считает ее настолько тупой, что она могла забыть запереть внутренний затвор бункера?

– Без подробностей, Андрей. Давай по сути, – нервно перебила его заместитель.

– А по сути, Марина, то, что твоя открытая не вовремя дверь погубила Петю. Ваня валяется в медпункте с прокушенной рукой, и хрен его знает, не ядовитые ли у «философа» зубы.

– Оклемается. Не ядовитые, – спокойно ответила женщина, не поднимая головы.

Петя погиб... Милый, добрый, несчастный Петя...

До войны они с Петей встречались. Марина была студенткой исторического факультета гуманитарного института, он – почти кандидатом наук. Бурный, полный взлетов и падений роман прервался за полгода до Катастрофы, Марина ушла от Петра. Долгое время они переругивались по аське (Марина мечтательно вздохнула. По аське. Написать письмо, которое через долю секунды будет в Серпухове... И всего два часа на электричке от площади трех вокзалов... Как это было давно... Так давно, что, кажется, и не было...) И увиделись вновь за пару дней до Беды. Петя приехал в Москву на несколько дней, чтобы найти достойную работу – а это было его самое больное место. Они с Мариной встретились в кафе, долго болтали, а потом плавно перешли к теме политики. Заголовки газет пестрели сообщениями о ПРО, о надвигающейся войне... Петя легкомысленно отмахнулся. Не посмеют реализовать ядерный потенциал. Не дураки же в правительстве, все всё понимают. И в солнечном и мирном городе слабо верилось в то, что придет беда, что Москву раздерет на части разрывами бомб, такого просто не могло

случиться. Это вымысел, байки, научная фантастика в духе Стругацких... Но теперь... теперь приходится прятаться в вонючем бункере, отбиваться от мутантов и терять самых дорогих и близких...

Последние два года Петя мечтал о том, что когда-нибудь окажется в родной квартире, без противогаза и химзащиты, вдохнет свежий воздух с восьмого этажа одного из высоких домов в пригородах Серпухова, искупается в ванне, в чистой проточной воде, а не в жалком душе, где вода из фильтров капала по три капельки в минуту... Благо, воды было достаточно – бункеру повезло больше, чем метро, грунтовые воды, пропущенные через фильтры, стали спасением. Петя мечтал о прежней жизни. А через четыре года ему должно было исполниться пятьдесят...

А теперь вот... Так бездарно, бездумно быть сожранным, растерзанным монстром, который стал хозяином нового мира.

«Хозяином мира... – мелькнула в голове Марины усталая, опустошенная мысль. – Теперь мир живет по иным законам. Либо сожрешь ты, либо тебя. Кто кого. И до этого противоборства нам осталось куда меньше, чем может предположить Паценков, чем могут догадаться жители бункера... То лекарство, которое мы стащили из лаборатории раньше, чем до него добрались местные разведчики, подходит к концу, а это значит, что...»

Размышления женщины оборвал резкий голос Андрея.

– О чем ты задумалась?! Ты здесь вообще? Что скажешь в свое оправдание?!

– Оправдание? – брови Марины превратились в две укоризненно изогнутые дуги. – То есть ты думаешь, я должна перед тобой оправдываться?

«Мне бы перед собой оправдаться. Смерть Пети и Леша себе простить. Придумать что-нибудь, как я придумываю каждую ночь, чтобы хоть немного очистить себя от того дерьма, в которое вляпалась еще двадцать лет назад...»

– У меня была четкая инструкция, – продолжала она. – Разведчиков группы, идущих из Раменок, впустить.

– Условный стук не прозвучал! – крикнул Андрей.

– Но Леша лежал под дверью, и он был ранен. Разведчики вернулись? Да. Я действовала по инструкции? Да. Что ты хочешь от меня, Савельич, какого лешего тебе еще приспичило? Хочешь себя перед народом оправдать? Хренушки тебе. Не за мой счет.

– Леша все равно бы сдох! Он не постучал условным стуком, потому что вокруг ошивались эти твари, он не мог подставить бункер!

– Зато минут десять скреб люк, корчась в конвульсиях и обделавшись от страха. А мы сидели и выжидали. Труссы. Сволочи и трусы, как и весь этот чертов спятивший мир. Минутой раньше – и Леша был бы жив и здоров. А мутант сожрал его руку на моих глазах. Ты сидишь в кабинете, и за все восемнадцать лет на поверхность поднялся один раз. А я там бываю каждые три недели, когда заканчивается жратва и бензин. Я видела многое. Я видела глаза Леша, Андрей. Не приведи тебя Бог увидеть такое даже во сне.

– Он не мог рисковать бункером, он все равно бы умер! – прошипел начальник, нависая над Мариной.

Она посмотрела ему в глаза. Холодно, бесстрастно, устало.

– Там был живой человек. Ты ученый, Андрей, хоть и бывший. Ученый-гуманитарий. Помнишь ведь – *labor et scientia, arte et humanitate*, трудом и знанием, искусством и человеколюбием. Я поклялась исполнять этот девиз, что бы ни случилось. Человеколюбием. Оставить на растерзание тварям – или спасти? Это был выбор.

– Зато ты не спасла своего Петю! – бросил Паценков. Прирожденный руководитель, но мелочный и жестокий человек.

– Петя погиб случайно. На его месте могла быть и я, и Ваня. Просто нам повезло. Ему – нет. А Леша был обречен на смерть, и мы пытались дать ему шанс. Мизерный – но шанс

выжить. И не стоит давить на больную мозоль. Ты отлично знаешь, что мне очень больно переживать потерю Петра.

– Прости меня. Иди, отдохни. Мы еще побеседуем попозже. У меня к тебе есть важные дела.

– Важные – это то, что кончаются запасы еды?

– Нет. Разведчики принесли дозиметр.

– Разведчики отчитались тебе в обход меня? – мрачно спросила Марина. Уголок ее губ дернулся вверх.

– Да. Я сам отправил их в экспедицию, они вернулись вчера.

– Постой. Ты отправил разведчиков без моего ведома? Вслед за моей группой? – тихо, зловеще переспросила Алексеева. В ее глазах, спрятанных за стеклами очков, полыхнуло недоброе пламя.

– Ну... – Паценков отвел взгляд. – Да.

– Так вот кто погубил Лешу и его товарищей. Ты же знал, что «философы» отслеживают наш вход! Ты же знал, что, когда группа возвращается, эти твари сидят вокруг люка кучками еще пару суток, и мы оказываемся заблокированными снаружи? Ты же знал! – Голос Марины сорвался в крик. – И ради своего гребаного дозиметра ты погубил троих лучших разведчиков, ты Лешку погубил, его эти твари разодрали в клочья на моих глазах! Ты понимаешь, что, впустив свою группу, ты отрезал путь к отступлению моим ребятам?! Они шли с припасами, со жратвой они, мать твою, шли, тебя же спасать! Они мне из Раменок проводку несли, чтобы генераторы починить! Гордость свою лелеял?! Доволен, да?! Петю убил, сволочь, дрянь, Петю ты убил! Если бы не ты, не пришлось бы аварийно открывать люк, не погиб бы Леша... Я никогда не противилась твоим решениям. Я все тебе готова была дать. Дозиметр? Да три дозиметра у меня в ящике валяются, только они все еще при взрыве сдохли к матери, нет на поверхности целых. Что тебе еще надо было? Разведчиков захотелось отправлять? Так отправил бы через неделю, урод! И мои верные и лучшие ребята остались бы живы. Мыдохнем, словно крысы на корабле... Мы все сдохнем...

Марина обессиленно опустилась в кресло, достала из поясной сумки фляжку и упаковку таблеток.

– Что это? – хмуро буркнул Андрей.

– Транквилизаторы. Седативные.

– Зачем?

– Как ты думаешь, если бы я не пила их, что было бы? Я бы либо сама свихнулась, либо тебя, идиота, пристрелила бы. Ты дурак, Паценков. Дурак и трус. Ты понимаешь, что я могу свалить на поверхность? А вы не можете. Вы тут заперты, как подопытные мыши. И если я перестану контролировать то, что тут происходит, черта с два ты усидишь в своем кресле. Через два месяца вы сдохнете с голоду всем бункером.

Андрей склонил голову, исподлобья зло взглянул на своего заместителя. Но на выпад не ответил. Заговорил о другом.

– Кстати, о голоде. Марина, где ты берешь припасы? Разведчики говорили, в метро жрут грибы и крыс. Мы выращиваем картошку и свеклу, откуда-то берем тушенку и рыбные консервы, пусть просроченные давно, но съедобные. Где ты это все достаешь?

Разговор сворачивал в опасное русло. Еда и фильтры – два страшных сна Марины – очень давно начали интересовать встревоженное командование. Спустя пару месяцев после своего назначения Паценков попытался выяснить, откуда в таком количестве берутся продукты, одежда и медикаменты. И если от простых смертных можно было скрыть происходящее, то с Андреем все же пришлось считаться. И только то, что до Катастрофы политолог Андрей не интересовался ни химией, ни биологией, помогло Марине выкрутиться. Сочиненная сказочка про систему дезактивации продовольствия, зараженного радиацией, которую поднял бы

на смех любой мало-мальски понимающий человек, на долгое время успокоила Паценкова. Несколько лет подряд Алексеевой удавалось выкручиваться, но это не могло длиться вечно. Руководитель бункера постепенно осознавал прописные истины и задавал вопросы.

«Очухались, родные! Через два десятка лет вас все-таки заинтересовало, откуда в кладовках появляется довоенная еда. Где ж вы раньше были со своими вопросами!» – с ненавистью подумала Марина, с хрустом сжимая пустой блистер от таблеток.

– Где надо, там и беру. Ешь от пуза, рога не растут – и радуйся, – раздраженно бросила Алексеева.

– Марина, не хаами! Выкину на поверхность без противогаза, поняла?! – прикрикнул Паценков.

– Меня? – протянула Марина, хищно улыбаясь. – Я тебе сказала, что станет с тобой и твоим бункером. Хочешь попробовать?

Паценков поджал губы, справляясь с гневом, помолчал. Выдохнул. Ссориться с заместителем ему было страшно. Андрей был не так глуп, понимал, что ничего не знает о жизни бункера. Ничего не знает о поверхности. Алексеева держала в тайне нечто такое, что недоступно ему. Это пугало его, связывало руки. Внутри у мужчины многие годы зрела бессильная ненависть, готовая в любой момент выплеснуться наружу и снести эту наглую выскочку Марину, позволявшую себе ни во что не ставить его мнение. Но вместе с этим подсознательное, животное и иррациональное чувство страха заставляло его держать язык за зубами и мириться с неограниченной властью заместителя, довольствуясь ролью правящей марионетки.

Наконец, Паценков поднял голову.

– Погорячился, извини. Я вот что тебе скажу. Дозиметр мой исправен. Разведчики его из какого-то подвала складского приволокли, там ничего не пострадало особенно, стены ЭМИ не пропустили.

– Думай, что говоришь. Стены не пропустили ЭМИ. Насмешил... – откликнулась Марина, запивая таблетку из фляги.

«Вот и транквилизаторов моих маловато. А куда я без них? Нервы давно ни к черту. Сколько протянем? Месяц, два? А потом запоем твой дозиметр, Андрюша. Только будет поздно. Тут либо мы, либо нас...» – подумалось заместительнице. Однако от высказываний вслух она воздержалась. Нечего сеять панику в рядах простых смертных.

– Дозиметр соловьем заливается. Пищит и пищит.

– И что? Все дозиметры пищат. Тем более, вряд ли тебе принесли военный, скорее бытовой, а бытовой – он приборчик нежный, хапнул излучения и поймал глюк. Хватит цацку мучить. Делом займись. А я пойду, у меня забот и так по горло. Бывай, Андрюша, еще зайду, – холодно попрощалась Марина и вышла вон.

Охранник прикрыл дверь и занял свое место у кабинета начальника.

«Позер, мля!» – мысленно выругала начальника Алексеева. Она свернула по коридору и заспешила в медпункт, где лежал покалеченный Ваня.

Глава 2

Бункер

Бункер под учебным корпусом Московского института гуманитарных наук, двадцать лет назад ставший пристанищем для обезумевшей от ужаса группы студентов и сотрудников, появился еще при советской власти. Тогда каждое научное учреждение обязательно имело бомбоубежище. Когда рухнул Советский Союз, бункер был законсервирован за ненадобностью. О нем знала лишь небольшая группка преподавателей, приближенных к ректору института, и части из них хватило благородства втащить в убежище первых попавшихся на глаза студентов, давая им шанс выжить.

«Мы спаслись. Нас сто шестьдесят три человека, и всего лишь восемнадцать профессоров и сотрудников – остальные студенты, ничего не знающие в жизни, ничего не умеющие. Что мы будем здесь делать? Разве у нас есть шанс? Фильтры сломаны, вода радиоактивна, вчера в страшных мучениях умер еще один человек, из старших, преподаватель с философского факультета. Его организм не выдержал перегрузок. Нас, молодых, может быть, еще спасет иммунитет, регенерация клеток, а их – уже ничто. И что мы будем делать? У нас нет техников, которые могут попробовать починить фильтры, у нас нет радиоаппаратуры, чтобы связаться с внешним миром. Да и бесполезно это – если мы уже неделю как получаем значительную дозу радиации, нам мало что поможет. Сейчас в бункере холодно: никто не знает, как разбираться с системой отопления. Если сломается водоотвод, мы все утонем. Если встанет генератор – как его чинить? Полетит проводка – и будем сидеть в темноте. Среди нас нет электриков, сантехников. Да самое простое – если засорится наша уходящая вниз канализация... Если хоть что-то произойдет... Мы медленно умираем. И никто не знает, что можно сделать...» – через неделю после катастрофы писала Марина в своем маленьком дневнике, оглядывая бледные, измученные, грязные лица товарищей по несчастью (или счастью?), спавших вповалку на полу, укрываясь одним одеялом на двоих. В бункере тогда пахло сыростью и немывыми телами, – водоснабжение работало плохо, а Григорий Николаевич еще не разобрался, хватает ли на всех воды, и как действуют системы коммуникаций. Функционировала только одна вентиляционная трубка, дышалось тяжело, а воздух был липким, как кисель, тяжелым и спертым.

Вспомнив те дни, Марина остановилась, оперлась спиной о стену и прикрыла глаза...

* * *

В тот день основное население убежища отправлялось разбирать завалы сменных фильтров, пожарных шлангов и огнетушителей, переставлять коробки с химзащитой и противогАЗами, чтобы освободить жизненное пространство, а Марина с вверенными ей людьми должна была исследовать оставшиеся закрытые помещения бункера и попытаться разобраться с системами вентиляции.

Темные коридоры навевали суеверный страх. В полутьме было видно, как побледнели лица у троих ребят, с которыми Марина отправилась в закрытый тяжелой дверью отсек жизнеобеспечения бункера.

Первоочередную задачу – запустить аварийные генераторы, используя запасы оставшегося в огромной цистерне топлива, – решили в первый же день. Нашлись умельцы, сумевшие правильно открыть вентили подачи бензина. Каждое действие в бункере происходило методом проб и ошибок. И было страшно. До дрожи в коленях страшно крепить клеммы, стараясь в свете крохотного карманного фонарика на два диода не перепутать полярность. Открывать

вентиль топлива. Затаив дыхание, взялся за ключ стартера. В полной тишине – щелчок. И гул двигателя. Полный восторга вопль «Ура!» – получилось, нет поломки, нет протечек, не взлетели на воздух. И выдох облегчения. Щелчок переключателя на панели генератора. Включить тумблер – и вот сосущая темнота озаряется светом маломощных лампочек...

Так же, с каким-то особым страхом, студенты открывали дверь в техническое помещение, где находились огромные аппараты фильтрации воздуха, системы подачи воды и котел отопления, который было необходимо подключить к системе подачи топлива и воды и запустить. Этим предстояло заняться Ване и Косте – бессменным помощникам Марины, которые были с ней с самого начала – и остались верны до конца.

«Почему это доверили студентам? Мы же ничего не понимаем в этом... Вопрос только в том, что профессора понимают в наладке бензинового котла еще меньше. А нас, по крайней мере, не так жалко, преподаватели могут научить остальных истории. Если мы выживем. А мы еще ничего не можем. А к системе фильтров Григорий кроме меня никого не подпустит, потому что держать язык за зубами – не каждому посильная ноша. Секрет, известный троим, – уже не тайна...» – мрачно размышляла Алексеева, заходя в комнату, отведенную под станцию фильтрации. В соседнем отсеке послышалась возня и отчаянный мат полусшепотом. Кажется, у ребят возникли проблемы.

Марина остановилась перед огромной установкой. Она представляла собой нагромождение цилиндрических фильтров, от которых отходили в потолок круглые узкие трубки внешнего воздухозабора и желтые прямоугольные трубы вентиляции бункера.

– И при чем тут я? – спросила саму себя Алексеева. – Если кто-то думает, что я понимаю, как работает фильтр, он очень ошибается.

Девушка заглянула в круглый сменный блок фильтра, увидела разделенное на отсеки, наподобие пчелиных сот, внутреннее наполнение.

– Так. И почему же у нас не работает радиационная защита? – вслух размышляла Марина. И отвечала самой себе: – Потому что эти фильтры предназначены для фильтрации воздуха от пыли и углекислого газа, и они-то как раз функционируют нормально. Иначе мы бы тут давно задохнулись. Ага. Это угольные очистительные системы. А что у нас там?

Алексеева подошла к следующему блоку труб. На них фильтры выглядели несколько по-другому. Внутри металлического цилиндра, напоминающего бочку, оказались пластины разной толщины. Как раз эта система и была неисправной. Заслонка трубы была запаяна, и, таким образом, на весь бункер работали две фильтрационные станции в разных комнатах, и они не защищали от радиации.

«В случае радиационной угрозы запустить систему Р-1» – гласила выведенная по трафарету на стене надпись. Как будто издевалась над обреченными жителями. Рядом, на металлической полке, прикрученной к стене, лежал дозиметр. Ради интереса Марина перевела рычажок в положение «включено». Тотчас счетчик истерически запищал. Стрелка по шкале рентген поползла вправо. Остановилась. Дозиметр продолжал верещать. И Марине слышалось: «Беги-ии... Беги-ии!» Девушка выключила прибор и присела на табурет у стены. Ноги не слушались.

На Алексееву накатился ужас. «Мы умрем, мы умрем!» – навязчиво билась в голове мысль, вместе с писком счетчика Гейгера облеченная в слова, принятая и понятая. На лбу выступил липкий пот, в висках застучало. Огромным усилием воли Марина заставила себя встать. Пару раз глубоко вдохнула и выдохнула.

– Мы живы, а значит, не все потеряно. Никто еще не подписал нам смертный приговор. Отставить панику! – одернула она сама себя. – Терять нам больше нечего. Системы воздухозабора – на полную мощность. Помирать – так с музыкой! А задыхаться среди этой вони я не собираюсь!

Девушка повернула рычаг-переключатель на трубе, ведущей к поверхности, до упора. Фильтры надсадно ухнули, справляясь с выросшей нагрузкой, задребезжали расшатанные трубы. Завибрировал, заурчал огромный шкаф нагрева воздуха. Закапала вода с систем кондиционирования, утекая по трубам глубоко вниз.

Вся система жизнедеятельности бункера встрепенулась, ожила, забурилась. Жизнь продолжалась.

Марина оперлась на трубу, идущую вдоль стены вглубь помещения, и отдернула руку от неожиданности. Металл был теплым. У мальчишек получилось запустить бензиновый котел.

Медленно, но верно потекла по убежищу горячая вода, устремились потоки воздуха, побежал по проводам ток, наполняя светом лампочки.

Алексеева вышла в коридор, положила замерзшие руки на трубу, согреваясь. И до нее как никогда ясно и остро дошло: теперь это подземное убежище – их дом, дом навсегда. И она, Марина, студентка третьего курса разрушенного ныне, погребенного в руинах Московского гуманитарного института, сделает все возможное, чтобы под землей, посреди пекла и ада кто-то мог назвать бункер не последним пристанищем, а домом.

В коридор выглянул перепачканный сажей Ваня.

– У нас получилось, – прошептал он, не смея нарушить благоговейной тишины коридоров.

– И у меня, – улыбнулась девушка, делая шаг навстречу ему.

– Ура! – взвился под своды бункера, закружился эхом радостный крик.

* * *

Марина вновь открыла глаза, и взгляд ее скользнул по нарисованному от руки календарю на противоположной стене. «2033», – сообщали вычерченные ярким маркером цифры. Это постарались местные художники – двое талантливых детей выжившей в год Катастрофы девушки-искусствоведа. Календарь по личной директиве Алексеевой рисовали в торжественной обстановке каждый Новый год, чтобы не потерять счет времени. Новый год в бункере отмечали в июле. Руководством было принято решение отсчитывать время со дня Катастрофы, который стал праздноваться как прежний Новый год, ярко и весело. Григорий Николаевич с мрачной издевкой называл рисованный листок Новым Революционным календарем. Поначалу Марине было не по себе от столь черного и жестокого юмора, но вскоре новая система отсчета прочно вошла в привычку. Единственное, на чем настояла Алексеева, решительно зачеркивая «Год первый», так это на том, чтобы начать летоисчисление заново. «Мы, как историки, не имеем права предавать забвению минувшие годы!» – пылко заявила тогда еще молодая девушка. Кошкин не стал с ней спорить. Подсознательно он ждал, что кто-то исправит пугающую цифру, означавшую начало конца. Рухнувший мир стал жить по иным законам. И изолированный бункер не стал исключением. С жестокой иронией он отказался от предавшего их мира, изменив календарь и построив, пусть силой оружия, пусть в темноте и в каменном склепе, новое общество, живущее будто бы назло и вопреки...

Алексеева рассеянно остановилась, смахнула невидимую пылинку с циферблата висевших рядом часов.

Часы на батарейках – круглые, погнутые, но рабочие, святая святых бункера, – были последней ниточкой, вместе с календарем связывающей нынешний разрушенный мир с прошлым, когда часы висели в каждом кабинете и не казались редкостью и непозволительной роскошью.

Марина прошагала по гулкому полу коридора, по пустынному верхнему этажу – он был нежилой, и лишь на самом верхнем ярусе («Ближе всего к радиации, почти на поверхности», –

мысленно добавила Алексеева) располагались административные помещения. Здесь она остановилась снова, подхваченная очередной волной воспоминаний.

* * *

Спустя два месяца жизнь в бункере начала устраиваться. Не было перебоев с освещением, стало теплее, пусть и ненамного, таково было распоряжение врача. Из кранов струйками текла вода, заработала душевая и сливы канализации.

Силами студентов запасы сменных угольных фильтров, огнетушителей и комплектов индивидуальной защиты были перенесены в складское помещение второго яруса, закрытое гермодверью. На дверь был повешен замок, ключи от которого хранились у Григория Николаевича.

В одной из комнат были обнаружены пропахшие сыростью матрасы, сто пятьдесят штук ровно, сложенные стопками до потолка, и казенные войлочные одеяла советского образца.

Матрасы разложили в два ряда возле стен, высушили, застелили одеялами. Потихоньку каждый житель бункера организовал себе спальное место.

Первое, что сделали Григорий и Марина, как только нормально заработала система водоснабжения, – устроили банный день. Грязную, рваную одежду собрали в огромные полиэтиленовые мешки и убрали в одно из технических помещений. Каждому жителю бункера была выдана камуфляжная форма из стратегических запасов – двенадцать ящиков по пятнадцать комплектов пришлось очень кстати.

Второй ярус бункера выглядел почти обжито и даже уютно, если можно было назвать создающими уют зеленые стены с растрескавшейся штукатуркой и бетонные полы.

А главное – Григорию Николаевичу как-то удалось установить среди перепуганных студентов и коллег четкую и упорядоченную организацию, которую до сих пор поддерживали немногочисленные обитатели подземного убежища.

Разумеется, без конфликтов не обошлось. Трижды за минувшие месяцы случались крупные скандалы. Первый принял форму бунта, когда профессора и сотрудники отказались признавать власть Григория Николаевича и требовали сместить узурпатора. Однако в свое время начальник оказался умнее и быстрее остальных, и теперь в его руках находились ключи от замков на гермодверях в технические помещения и оружейную, где хранились старенькие автоматы Калашникова. И перевес оказался на стороне меньшинства – с оружием в руках Григорий Николаевич и его верные люди, в число которых входили Марина, Ваня и Миша, разогнали бунтовщиков.

В другой раз народное недовольство обрушилось на Марину. Вслед девушке полетели нелестные эпитеты, ей просто позавидовали. Занятая регулярными осмотрами аварийных систем, не вылезая из узких темных коридоров, Алексеева держалась отстраненно и очень холодно. Ее постоянно занимали тревожные мысли, и девушка замечала только то, что полагалось ей по долгу службы, но не видела при этом саму себя. Сочтя усталость и отчужденность надменностью и гордыней, многие жители бункера возненавидели девушку. А между тем в ее руках была сосредоточена неограниченная власть, заключенная в знаниях... В общем, Григорий отбил Марину у толпы, когда ее, исцарапанную, в разорванной форме, тащили в темный отсек в конце коридора. И тогда же в бункере прошли первые репрессии.

Будучи человеком дальновидным и рассудительным, Григорий Николаевич Кошкин понимал, что единственное чувство, которое движет людской массой, – это страх. Поэтому самые рьяные обидчики его помощники на три дня были заперты в темном карцере. Натерпевшись ужаса одиночества и непроглядного мрака, они мигом присмирели, а все остальные поняли, кто в действительности встал «у руля» их маленького мира и кому теперь принадлежит не только полнота власти, но и жизнь каждого.

Как показывал опыт мировой истории, счастливое государство с сильной промышленностью, которого боялся весь мир, можно было построить только при тоталитарном режиме, когда власть неограниченно находится в руках одного лидера. Опыт сталинских времен доказал, что жестокими репрессиями можно добиться небывалого государственного подъема. После распада СССР, с развитием информационных технологий, когда каждый мог обругать правительство в Интернете, узнать, что творится в мире, собрать сотни новых сплетен и слухов, режим диктатуры перестал быть возможен в его первоизданном виде. А когда все рухнуло, тем, кто сумел добраться до власти, предстояло решить, каким будет микромир – линии метро, бункера, убежища. Время не оставило альтернативы. Тоталитаризм, неограниченная, абсолютная власть в руках нескольких человек, которой вынуждены подчиняться все, кто оказался в орбите локальной цивилизации, – или же медленная гибель, грызня за лакомые куски и право сильного.

Именно первый путь выбрал Григорий Николаевич. Как историк он прекрасно понимал, что если где-то и возможна авторитарная власть, то только здесь, в бункере, где все на виду, где вся жизнь зависит только от того, в чьих руках окажется система жизнеобеспечения. И она стала принадлежать правильному человеку.

Катастрофа изменила характер многих людей. И Кошкин из милого профессора предпенсионного возраста, который никогда не мог повысить голос на студентов, превратился в жесткого и даже жестокого лидера. Он отдал контроль над жизнеобеспечением бункера человеку, безоговорочно верному ему, – бывшей методистке его кафедры Марине. Сам же начальник держал в своих руках полную и неограниченную власть. Его приказы не обсуждались. И после того, как трое перепуганных и бледных жителей убежища вернулись из карцера к обычной жизни, никто не мог даже помышлять о сопротивлении.

Впрочем, нет. Ведь был еще и третий случай.

Химик Алексей Кадкин с факультета естественных наук, надменный молодой студент, возомнил, что он умнее командующего убежищем. Еще до Катастрофы Леша был невыносимым человеком. Презрительно поджатые губы, холодные глаза за стеклами очков. Он нравился девушкам – и плевал на них. Сколько раз Марина видела, как ревели в коридорах его жертвы! Его прозвали Троллем («Точно, горное чудовище!» – хихикала Алексеева). Аня, коллега и подруга заместительницы начальника бункера, тоже испытала на себе очарование этого великомерно-высокомерного юноши. В день Катастрофы в бункер они вбежали вместе. Анна знала, что в этот день Леша должен был быть на историческом факультете. Она бежала против толпы, среди пылающего ада, и нашла его. Рискуя собственной жизнью, втащила перепуганного и потерявшего весь свой лоск парня через люк в убежище, и только там без чувств рухнула у стены.

Алексей оправился быстро. Его характер взял верх над условиями. Первым делом он довел до истерики Аню. Потом взялся за саму Марину, с которой они до Беды были злейшими врагами. Веселая, общительная девушка, готовая дружить со всеми сразу, на дух не выносила презрительной надменности Кадкина. Доведя Алексееву до белого каления, он решил, что ему, великолепному и неподражаемому, не пристало слушаться приказов начальства. Тем более он, химик, казался незаменимым человеком среди гуманитариев. Но Леша просчитался. Григорий Николаевич, измученный бессонными ночами, занятый поддержанием порядка в последнем пристанище, не стал церемониться с бунтарем и смутьяном. Первый скандал начальник выдержал с достоинством. Он вызвал Алексея на разговор, попытался доступно объяснить, кто главный в убежище и почему его стоит слушаться. Когда Кадкин публично заявил, что он плевать хотел на распоряжения старого идиота, командующий не выдержал. Был отдан приказ выставить негодяя на поверхность без химзащиты.

Его рвало кровью у люка бункера. За пару часов радиация сожгла его заживо. Это было спустя две недели после Катастрофы. Тогда любимый начальник был жив и здоровствовал. Тогда еще никто не знал, что будет дальше...

* * *

«Шесть лет его нет с нами... Как нам до сих пор удавалось выживать?» – устало думала Марина, глядя на дверь, заграждающую тамбур и внешний люк. Тяжелый бронированный металл, выкрашенный грязно-зеленой краской, казался непробиваемой преградой. Только казался. «Когда опасность исходит не извне, а изнутри, дверь становится не преградой от внешнего мира, а решеткой собственного каземата. На сколько хватит лекарства? Как скоро начнется?» – думала Марина. Даже в мыслях она боялась произнести вслух то, что ее тревожило. Представляла, что случится в бункере. А вдруг – повезет? Повезло же единожды – из многих тысяч человек спаслась сотня. Вдруг – повезет?!

Марина еще раз огляделась вокруг. Верхний этаж бункера. Небольшое помещение, где должна была находиться комната дезактивации. Теперь туда складывали комплекты химзащиты, противогазы и обувь после каждой вылазки, дежурные относили их в техническую душевую, отмывали от грязи и пыли и складывали в кладовой. Дальше по коридору – кабинет начальства, где у двери стоит сменный часовой, медпункт... Заместитель криво усмехнулась своим мыслям. Ее очень забавляло то, что медпункт находится именно здесь. Но таково было решение Григория Николаевича... Дальше – ее собственный кабинет и одновременно спальня – непозволительная роскошь в стесненных условиях. Но ей было можно. «Если б вы знали, как много мне можно», – мрачно подумала Алексеева. В ее же кабинете хранились запасы лекарства, название которого толком не знала даже местная медик. И только непререкаемый авторитет, ее и Паценкова, позволял каждые полгода делать инъекции каждому жителю бункера. Марине доверяли. Свято доверяли... В мире анархии и хаоса доверяют тому, кто кормит и помогает выжить.

Второй уровень бункера был жилым: большой зал, разгороженный деревянными ширмами наподобие комнат. Там и жили обитатели бункера, одиноко, парами и семьями. Из «старой гвардии» – спасшихся из горящего корпуса – их оставалось пятнадцать. Теперь, со смертью Пети, – четырнадцать. Самые верные, самые преданные Марине, рассудительные, бывшие ученые – историки, философы и политологи. Профессорский состав – немолодые педагоги, спасавшие лучших из лучших или хотя бы тех, кто находился рядом, – давно уже погиб от радиации и от старости. Сейчас истинными хозяевами бункера были ребята, родившиеся в подземельях. Самому старшему из тех, кто никогда не видел солнца, недавно исполнилось двадцать – удалось спасти одну беременную студентку. Мальчик был объектом пристального внимания Марины – он, еще не родившись, получил большую дозу радиации, и был, по сути, местным мутантом – у него рос рудиментарный хвост, да и росло около пятидесяти зубов, в три ряда, как у философов. Ему первому Алексеева колола чудо-препарат...

Все эти новые жители бункера шестнадцати-семнадцати лет были похожи – намного ниже среднего роста, светловолосые, с блеклыми глазами с красно-коричневой радужкой, – и имели по сорок зубов – новая стоматологическая норма. У некоторых из них уже появились дети. («Мутировавшие дети...» – безрадостно подумала Марина.) Срок беременности у женщин сократился до шести месяцев, а недоношенные младенцы рождались и вовсе спустя четыре. Марина знала, что это означает. Новый вид, появляющийся под воздействием адской смеси радиации и препарата, должен был занять свою нишу в природе, отвоевать ее количеством и качеством.

«Когда наше спасительное лекарство закончится, мы будем плодиться, как кошки. Три месяца беременности – и получай, Москва, нового жителя. Только вопрос, кто это будет?»

Марине удалось убедить молодежь, не видевшую ничего другого, что в их внешнем виде нет ничего страшного. А «старую гвардию» – что новые мутации не опасны для здоровья и проявились как следствие эволюции в результате облучения родителей. И умоляла не пугать детей. Ее слушали. Пока слушали. Скрыть страшную правду, колоть последние капли препарата, давно уже просроченного...

Алексеева устало опустила на пол у двери.

– Как же мне все это надоело! Почему меня черт дернул оказаться в ненужном месте, в ненужный час?! Почему мне не сиделось на кафедре в тот страшный день?! Сгореть заживо – больно и страшно. Но это – дело минуты, потом верная смерть, а здесь – агония, которая длится уже почти двадцать лет! – пробормотала женщина.

Выйти бы сейчас туда, за дверь, к мутантам, и пусть жрут, твари проклятые, чтобы не мучиться. «Или я их сожру...» – Марина хищно облизнулась, из горла вырвался хрип, похожий на рык страшного зверя.

Женщина вскрикнула, по лицу градом покатались слезы. Мысль, страшная, чужая, напугала ее так, что сердце пропустило несколько тактов и забилось, будто в агонии.

– Нет, нет, нет, это бред, это у меня от перенапряжения едет крыша... Я не хочу сходить с ума... – всхлипывала она, обхватив голову руками, скорчившись у внутренней двери бункера. – Меня надо изолировать, выгнать, кажется, наша затея проваливается, рушится, и мы все скоро свихнемся в этом гребаном бункере...

* * *

Два дня назад Михаил Чернов, старший разведчик бункера, и Марина сидели в ее кабинете, составляя план очередной экспедиции на поверхность.

– Думаешь, стоит отпустить ребят одних? – сомневался мужчина, потягивая из кружки морковный чай.

Алексеева задумчиво кусала кончик карандаша.

– Они были со мной в трех вылазках. Думаю, мальчики набрались достаточно опыта, чтобы отправиться в город самостоятельно. Я не могу сопровождать их каждый раз. Тем более из старших нас осталось восемь человек. В последнее время ходим только ты, я и Волков. Мы, увы, не вечны, Миш. Понимаю твое волнение. Да, тревожно, да, страшно. Но я отправляю их в сравнительно безопасный район. По дороге на юго-запад довольно сложно нарваться на реальные неприятности, мы этот район исходили вдоль и поперек. Проспект Вернадского широкий, проблемные дома на карте отмечены, на складах пока никого не завелось, надеюсь. За неделю едва ли там появятся новые мутанты, раз уж за двадцать лет не появились. Патронов дам достаточно, отстреляются, случись чего. В домах есть отличные квартиры, где можно пересидеть, если вдруг произойдет что-то непредвиденное.

– Да, ты, конечно, права. Ребятам пора начинать самим. Тем более, многие из старших давно уже выбирают сами, хотя бы Илья, он им ровесник, а года два уже поднимается без сопровождения, – согласился Михаил. – Предлагаю пойти поесть, а потом уже вызовем парней на инструктаж.

– До обеда еще двадцать минут. Пойдем-ка пройдемся, поглядим, все ли в порядке, а то мне график смен подписывать сегодня.

В бункере, как и всегда в первой половине дня, кипела бурная деятельность. Девушка в синем халате поверх камуфляжа мыла пол. Марина приветливо улыбнулась ей, кивнула часовым, спускаясь по лестнице на второй этаж.

В большом зале готовились к обеду. Дежурные расстилали на полу клеенку, раскладывали ложки и жестяные миски. Ответственные за уборку торопливо домывали полы в разных концах коридора. Опоздать на обед означало остаться голодным до ужина, поэтому каждый

спешил поскорее управиться с делами. После обеда в убежище начинались занятия и личное время, занята была только вторая смена дежурных по кухне, которым вменялось вымыть посуду после обеда, помочь повару Валентине с ужином и накрыть стол в общей комнате. Убрать посуду и организовать завтрак на будущий день помогала третья смена.

Все это было записано на нескольких листах, висящих на стене. График дежурств составлял помощник начальника бункера, Василий Лозин. Он следил, чтобы все жители бункера, начиная с шестилетнего возраста, были заняты на общественно полезных работах.

Марина остановилась возле расписания, пробежала глазами по строчкам. Первая смена дежурила с десяти утра до двух часов дня. Вторая – с двух до шести, третья смена – с шести вечера до десяти утра.

Вся жизнь была строго упорядочена. Эту замечательную систему давным-давно придумал покойный начальник бункера, Григорий Николаевич Кошкин. Ему удалось ненасильственным путем установить порядок в убежище. С помощью верных ему людей руководитель составил строгий график питания, сна, пользования душевыми и регламентировал общественные работы.

День начинался в семь часов утра. В бункере включалось верхнее освещение. Все обитатели выстраивались в очередь к умывальникам и санузелу. На дверях висела табличка, предупреждавшая о том, что водные процедуры длятся не более двух минут на человека. Конечно, можно было копаться и дольше, но ровно в девять утра дежурные подавали завтрак. Кто не успел, тот опоздал. В половине десятого миски убирали. До двух часов дня продолжались общественно полезные работы. Давний советский принцип «Кто не работает, тот не ест» идеально сработал и в этот раз. Конечно, каждый мог отказаться трудиться на благо родного бункера. Но в этом случае тунеядец лишался обеда, а его фамилия появлялась в позорном списке, который висел на стене большого зала.

Закончить работу в срок также было в интересах человека. В два часа накрывали обед. После, с трех часов, те, кто был свободен от смен, получали личное время или посещали занятия.

В шесть садились ужинать. Потом отправлялись принимать душ. В десять ровно выключались лампы. В эти часы в бункере бодрствовали только дежурные по этажам, которые сменялись каждые три часа, и разведчики, вышедшие в экспедиции.

Григорий Николаевич никогда никого не принуждал. Просто он сумел сделать так, чтобы каждый самостоятельно и добровольно принял упорядоченную систему жизни. Начальник бункера преуспел.

Нарушить внутренний распорядок означало подставить остальных жителей убежища. Поначалу не обошлось без недовольства. Однако когда несколько человек злобно нарушили дисциплину, волевым решением Кошкин оставил все население без обеда. После этого схема всеобщей трудовой повинности и внутреннего распорядка работала практически без сбоев.

Теперь Марина пожинала плоды хорошо отлаженного образа жизни, который уже не представлялся иначе. Она неторопливо обходила помещения бункера. От общего зала отходили два коридора. Один – тупиковый, где находились душевые, санузлы и техническая комната, разделенная на два блока; в первом мыли посуду, а во втором стояла большая ванна для стирки белья. К технической комнате примыкало помещение, где сушили выстиранную одежду. Оно отделялось стеной от котельной, и горячая вода напрямую поступала в большую батарею. Тут вытяжка работала на полную мощность.

Во втором коридоре находились генераторная, котельная и отсек фильтрации. За тяжелой гермодверью ряд ступеней уходил вниз, упираясь в маленькую комнату с решеткой. Алексеева в шутку называла это место «комнатой задумчивости». Это был карцер.

Наверх, в обход большого зала, вела маленькая лестница.

В этом коридоре дежурила особая смена, имевшая специальный допуск. В основном, это были старшие ребята или кто-то из «старой гвардии». Отсеки фильтрации убирала лично заместитель начальника бункера.

Марина вошла в санитарный отсек. Раковины были отмыты до белизны, на каждой лежал кусок мыла, которые исправно приносили с поверхности разведчики. На крючках висели посевшие от старости, но чистые полотенца. Ответственные за уборку уже закончили на сегодня, только в техническом помещении продолжалась работа.

В большой ванне женщина вручную стирала рубашки. Она подняла голову, с трудом выпрямилась.

– Привет, – улыбнулась Алексеева. – Как ты тут?

– Нормально, только спина болит. Старость не радость, – засмеялась дежурная.

– Ксюш, ну если что, ты скажи, я что-нибудь придумаю. Пусть молодежь отдувается, ты свое уже отработала на благо нашего дома.

Исторический географ Ксения Андреевна Чернова была одной из тех, кто спасся из учебного корпуса двадцать лет назад, вбежав в бункер самой последней. Она сломала каблук, повернула ногу и хромала. Мужчина в форме охранника почти захлопнул дверь, но вдруг увидел полные слез глаза несчастной. И приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы студентка протиснулась внутрь. Сзади слышались обреченные, полные ужаса крики тех, кто не успел. И Ксения до сих пор чувствовала себя виноватой в том, что она спаслась, а кто-то – нет.

С тех пор Ксюшка-хохотушка превратилась в серьезную женщину. Родила ребенка. Не изменив привычке носить юбки, одевалась как в прежние времена. Из каждой экспедиции Миша старался приносить жене обновку. И тогда на ее губах расцветала робкая улыбка, несмелая, вопросительная, а огромные глаза смотрели испуганно...

– Переживу. Нечего дедовщину устраивать, – ответила Чернова, возвращаясь к стирке.

– За это я вас всех и люблю! Спасибо тебе. И все же иди пообедай, ты свою смену уже завершила, – кивнула заместитель начальника и поторопилась дальше.

* * *

Спустя шесть лет после Катастрофы жизнь в бункере вошла в новую фазу. У поколения студентов подросли дети, и пятилетняя малышня носилась по всему бункеру, принося в застоявшийся быт новую радостную ноту.

На шестой год люди перестали так болезненно воспринимать смерть. Многие женщины умирали при родах, потому что у новорожденных малышей оказывались слишком большие головы.

Мужчины погибали в экспедициях, растерзанные монстрами, задохались в подвалах, где порой скапливался газ, проваливались в темные ямы канализации, разверзшиеся под ногами.

Старшее поколение бункера, профессоров и преподавателей института, к шестому году практически всех сожрала лучевая болезнь. Свои последние месяцы они проводили в страшных мучениях, сгорая изнутри, но держались, улыбались, стремились поддержать молодежь. А молодежь повзрослела. Вчерашние студенты возмужали, заросли жесткой щетиной и очерствели душой. В мире, где правит смерть, иначе было не выжить.

Марина наблюдала, как менялись те, кого она знала со студенческой скамьи.

Ваня вытянулся, стал шире в плечах, камуфляжная форма удивительно шла ему, придавала неповторимый колорит. Из веселого студента он превратился в статного мужчину, но не изменил себе – он по-прежнему улыбался, шутил, смеялся, заряжая хорошим настроением уставшие души. Только на дне глаз, как и у всех, затаилась старая боль.

Изменился и Костя. В институте он казался совершенно неадекватным. Порой глупо шутил, издевался всюду над гламурными барышнями, балагурил и развлекался. Парень стал

старше. Погрустнел. Ожесточился. Ему, одному из лучших в команде разведчиков, приходилось нелегко. Слишком часто юноша стоял на пороге смерти, каждый раз чудом выкручиваясь из ее цепких объятий. Характер Константина стал тверже, решения – четче и жестче. Не раз выходя на поверхность в качестве командира группы, он мог пустить раненому товарищу пулю в голову, если под угрозой оказывалась безопасность отряда.

Стал другим и Миша. Суровый и сдержанный, как и прежде, он одновременно стал мягче, сострадательнее. Катастрофа поменяла парня в лучшую сторону, открыв то, что спало в нем раньше, – светлую душу, которой было тесно под сводами бункера.

Петя с каждым днем становился все грустнее, похожий на бледную тень. Он отмалчивался, выслушивал, но когда ободряюще сжимал ладонь товарища, становилось легче и спокойнее.

Марина знала, отчего ее мужчина постоянно молчит. Он мечтал о детях – но после Катастрофы оказался неспособным оставить после себя потомство. Глядя на улыбающиеся во все свои сорок зубов мордашки, он замыкался в себе, хранил в душе страшную боль, не смея пожаловаться. Часто смотрел в стену невидящим взглядом, будто созерцая что-то за пределами бункера.

Все они изменились. Стали другими, изменили идеалы и ориентиры. Но одно осталось неизменно – крепкая дружба и взаимопомощь, прошедшая сквозь годы испытаний и оставшаяся с ними до конца. Но каждый знал: если он будет представлять угрозу для бункера, если принесет в убежище заразу, сойдет с ума или станет ненужным грузом для группы разведчиков, друзья, не задумываясь, отдадут приказ стрелять. Для общего дела. Ради сохранения жизни в последнем пристанище...

* * *

В бункере прозвенел сигнал, собирающий всех на обед. Работники кухни вынесли несколько больших кастрюль с супом.

Алексеева взяла свою порцию и присела на ступеньках.

– Приятного аппетита, Марина Александровна! – желал ей каждый, кто проходил мимо. Женщина благосклонно кивала, оглядывая своих подопечных.

Малышни в бункере было мало. Уже прошли те годы, когда по убежищу вихрем носились дети. Все они выросли, вошли в тот возраст, когда сами могли становиться родителями.

«Старая гвардия» бункера держалась обособленной группой. Уже немолодые, все за сорок, бывшие студенты Гуманитарного института один за другим уходили в лучший мир. Их осталось всего тринадцать. Несчастливое число.

Основную массу населения составляла молодежь в возрасте от четырнадцати до девятнадцати лет. Большинство из них ни разу не было на поверхности. Разведчиками становились только самые бесстрашные и надежные. Их Марина выбирала лично, готовила, инструктировала, сопровождала...

Обед закончился. Дежурные собирали миски и уносили в мойку. Их смена заканчивалась.

Алексеева поставила тарелку на край клеенки и сыто потянулась. Сегодня ее ожидало много дел.

– Леша, подойди ко мне, – окликнула женщина молодого человека, одетого в синий халат рабочего смены.

– Да, Марин Санна? – отозвался он. У парня, несмотря на характерную внешность обитателя бункера, были очень приятные черты лица. Глаза горели жизнью и молодостью.

– Ты не предупредил Василия, что сегодня выходишь на поверхность? Почему ты на смене?

– Предупредил. Только сегодня все заняты, некого поставить. Да я справлюсь! – беспечно махнул рукой Алексей.

– Справишься, не справишься, что за самоуправство? Ничего, без тебя посуду помогут. Через два часа мы с Михаилом ждем тебя в моем кабинете на инструктаж. Василий! – Марина жестом отпустила молодого разведчика и окликнула помощника начальника бункера. – Мне за тобой все смены проверять придется, что ли? Я же просила не назначать дежурств тем, кто совершает вылазки. Ты хоть понимаешь, куда отправляются ребята?!

– Понимаю. Извини, проглядел. Исправлю, – неконфликтно согласился мужчина. Ссориться с Алексеевой было опасно. Все же большая часть «старой гвардии» была на ее стороне.

– В восемь жду у себя с графиками смен, – бросила на ходу Марина.

Возле лестницы, ведущей на верхний ярус, располагалось еще одно большое помещение. Там была оборудована кладовая, где хранились все запасы бункера, начиная от одежды и заканчивая консервами.

– Привет, Илья, – крикнула Марина, закрывая за собой дверь.

Молодой человек поднялся из-за столика в углу, отложил книгу.

– И тебе не хворать, – отозвался он.

Илья Оганян, единственный из младшего поколения, кто был приближен к «старой гвардии», заведовал складом. Парень оказался весьма талантлив. Он вел книгу учета, поддерживал порядок на полках и отчитывался лично Алексеевой.

– Ну что, ты посмотрел, чего у нас не хватает? – поинтересовалась заместитель начальника, присаживаясь на стул.

– Само собой, – самодовольно усмехнулся кладовщик. – Вот.

Следующий час Марина и Илья просматривали книгу учета и пересчитывали содержимое полок. Наконец женщина поднялась, взъерошила пальцами волосы.

– Все не так плохо, – улыбнулась она. – Спасибо тебе.

* * *

Марина и Михаил склонились над картой, делая пометки карандашом.

– У нас опять кончается мыло и бумага. Как думаешь, вот тут, – женщина провела ногтем черту прямо на пересечении пронумерованных квадратов, – что-то еще можно найти?

– Так наши еще полгода назад на складе захоронку сделали, там и мыло, и тряпки всякие, типа простыней. Рядом была прачечная, на нее-то точно никто не позарится, – ответил Чернов, обводя нужный дом.

– Кто-нибудь исследовал эти три здания? – поинтересовалась Марина, помечая крестиками отдельные строения.

– Там ничего нет. Обычные магазины. Лучше давай думать, где можно взять консервы? У нас осталось не так много.

Алексеева нахмурилась. Военное хранилище, до которого разведчикам бункера удалось добраться первыми и надежно его замаскировать, спасло от голода жителей последнего пристанища почти на двадцать лет. Тушенка и рыбные консервы, в жестяных банках, залитых солидом, могли храниться вечно, они были сделаны на совесть. Там же обнаружили несколько ящиков с новыми автоматами Калашникова и индивидуальные комплекты химзащиты. Эти склады, вместе с магазинами и подвальными кладовками, стали золотым дном для разведчиков. Но в последнюю вылазку они забрали оттуда последние полсотни банок, и перед Мариной и Мишей стояла задача найти способ пополнить запасы бункера.

– С каждым годом становится все сложнее. Даже то, что еще может храниться, скоро придет в негодность. Надо что-то выдумывать. Перейти на рацион без мяса, например. Или

попытаться наладить контакт с метро для обмена, – задумчиво проговорил мужчина, глядя на карту.

– Не паникуй. Не о том сейчас думаешь. На разведку мы с тобой пойдем вместе, а ребята пусть вскроют тайник и принесут сюда все, что вы отложили про запас. Этого должно хватить на некоторое время, – оборвала его Марина.

В дверь постучали. Алексеева поднялась.

– Проходите, – пригласила она стоящих на пороге ребят. – Все в сборе. Алексей, Володя и Никита. Сейчас начнем инструктаж, вам скоро выходить.

Пока Михаил отмечал на карте маршрут, Марина успела повторить молодым разведчикам традиционные наставления.

– Условный стук «три-один-три». Не забудьте. Без него в бункер не пуцую. От маршрута не отклоняться. Идите строго по проспекту, в дома не заходите. На карте красным помечены опасные участки. Будьте внимательны. Фонари не включайте. Если встретите людей, постарайтесь не вступать в контакт. Условный сигнал метро, общий для всех разведчиков, – три круга фонарем по часовой стрелке. Если вдруг случится что-то и вам нужно будет пересидеть опасность, выбирайте только те дома и квартиры, где есть условное обозначение. Они проверены и сравнительно надежны. Дойдете до склада, вскроете тайник и немедленно возвращайтесь. Расчетное время – девять часов. Вполне хватит, чтобы сходить туда и обратно. В целом, я даю вам двое суток на случай непредвиденных обстоятельств, после этого высылаю поисковый отряд. Ни в коем случае не разделяйтесь. По возможности не используйте оружие, лучше пересидите. Противогазы не снимать, химзащиту не расстегивать. Другие здания исследовать не надо, ваша задача – дойти до места назначения и вернуться обратно с припасами. На выходе и входе будьте внимательны, «философы» появляются сверху, со стороны парковки. Ну, что я с вами, как с маленькими. Сами все без меня знаете. Это ваша первая самостоятельная экспедиция. Будьте осторожны. Михаил, у тебя все готово? Сверим часы. Сейчас без пятнадцати девять. Ровно в девять вечера выходите. Помните: рассветает в семь утра, следите за временем. Вопросы есть? Нет? Замечательно. Идемте.

Заместитель начальника бункера сделала несколько пометок в толстой тетради и вышла из кабинета. Следом за ней зашагали и разведчики.

Алексеева повернула в замке ключи и вошла в оружейную. Пересчитала автоматы, сложенные у стены.

– Всего двенадцать. Практически в каждую вылазку мы лишаемся одного, а то и двух. Оружие берегите. Патроны тоже постарайтесь экономить. Но без фанатизма. Если ситуация потребует стрелять, не жалейте, раздобудем еще. Главное – ваша безопасность, – сказала Марина, выдавая ребятам запасные рожки.

Женщина вытащила из ящика три комплекта химзащиты, светло-зеленые резиновые плащи, застегивающиеся между ног наподобие штанов, высокие «берцы» и противогазы.

– Комплект фильтров уже лежит в сумках. Вам этого хватит, – кивнула женщина на прорезиненные рюкзаки, стоящие у двери.

Через десять минут одетые разведчики стояли перед гермодверью.

– Ну что же, все готовы? Все, что сказала вам Марина Александровна, помним. Будьте осторожны, постарайтесь без глупостей, – напутствовал Михаил, записывая в тетрадь фамилии и выданные средства защиты.

Алексеева кинула взгляд на наручные часы.

– Время. Ну все, ребята, удачи!

Алексей улыбнулся, махнул рукой дежурным.

– Не волнуйтесь, Марина Александровна! Мы не подведем! Спасибо за доверие! – по военному четко ответил он.

Разведчики натянули противогазы.

Гермодверь захлопнулась за их спинами.

Чернов положил руку на плечо женщине.

– На тебе лица нет. Не переживай. Они не первые, все когда-то начинали самостоятельно. А вспомни нас с тобой, мы вообще отправились черт-те куда, одни, не зная, что нас ждет.

– Они все мне как дети. Особенно Леша. Правильный мальчик, хороший. У него может быть неплохое будущее. Я волнуюсь. Никита вот никогда не отличался особенной рассудительностью. Мало ли... Ладно, хватит. Идем, – вздохнула Марина.

Очередной день подземной жизни клонился к завершению. Заместитель начальника бункера, убежденная атеистка и материалистка, подняла голову вверх, глядя на потемневший от времени потолок.

– Господи, если Ты есть, помоги нам...

* * *

Дверь открылась, толкнув Марину под лопатки. Высунулась бледная физиономия с красными глазами. Улыбка в сорок зубов, веселый юношеский взгляд.

– Марин Санна, все в порядке? Вы чего? – удивленно спросил дежурный, глядя в залитое слезами лицо начальницы.

Алексеева уже взяла себя в руки.

– Все в порядке. Ногу подвернула. Почему покинул пост? – сурово спросила она, отерев лицо рукавом камуфляжной куртки.

– Так я услышал, вы тут кричали, думал, может, случилось чего? – невинно захопал глазами мальчик.

– Ничего. Если бы случилось что-то серьезное, включили бы сигнал тревоги. Займи свой пост и больше не смей открывать внутреннюю дверь до конца дежурства без специального распоряжения.

Марина встала. Ее мелко трясло.

– Марин Санна, страшно... – Мальчишка стыдливо опустил глаза.

– Чего страшно?

– Так там... Это... Мутант и Петр Василич...

– Чего? – удивленно спросила Марина.

– Так не убрали тела, вашей команды не было, а Андрей Савельич велел не убирать...

– Идем, – кивнула женщина.

В тесном тамбуре между внешней и внутренней дверью пахло кровью, паленой шерстью и каким-то особым запахом мутанта, похожим на смрад немытой клетки в зоопарке. К нему примешивался другой, особенный, знакомый с далеких студенческих лет – запах старых книг. «Похоже, обитают они по-прежнему в библиотеке корпуса», – подумалось Алексеевой.

Петя, точнее, то, что от него осталось, лежал в углу, лицом кверху. Его голова, поседевшая, кудрявая, была неестественно запрокинута, разбитые очки свисали на одной дужке. Довоенные очки. Старые, царапанные. Особая Петина гордость.

Лицо мужчины совсем не изменилось. С тех пор, как Марина раздобыла ящик препарата из лаборатории, старение не касалось жителей бункера. «Это все радиация, не стоит волноваться», – усмехалась Марина, когда Ксения, ее подруга, в очередной раз лезла с расспросами, почему в сорок они обе выглядят на двадцать. Знала б ты правду, Ксюшенька... Разве что волос у Петра Васильевича поубавилось... А на лице застыла гримаса боли и первобытный ужас. «А не стоило, Петенька, не стоило их бояться. Не испугался бы – остался жить...» – мысленно попеняла умершему мужчине Марина.

– Кирилл, пойди за нашими, тела – в туннель, к завалу. Петра похоронить тихо, людей наедине с покойником, – страшное, чужое слово резануло по ушам, отозвалось мурашками

по спине, – не оставлять, никому не показывать. Мутанта оставить у завала, тоже втайне, огородников наших не пугай, прикрой тварь тряпочкой. Я посижу, пойдешь, позови кого-нибудь из наших, старших.

Огородниками называли обитателей бункера, трудившихся на третьем, самом нижнем этаже бункера. Там выращивали картошку и свеклу. День и ночь светили маломощные ультрафиолетовые лампы. Крохотные клубни вызревали в земле, не страшась насекомых. И без инсектицидов, в земле бункера мелкой твари не водилось. Недоумевали – что ж это, под стены не пролезают?

«Еще как пролезают. Только дохнут, не успев мутировать до размеров человека, как на поверхности», – думала Марина. И молчала. И кто бы знал, когда веселая, неугомонная Маринка, которую усадить и заставить замолчать можно было только интересной книжкой, стала вдруг мрачной, суровой и жесткой. И что творилось у нее в душе.

На нижнем этаже бункера проходила ветка Метро-2. Она тянулась на северо-восток, в сторону Кремля, и дальше, на юго-запад, к военным базам, где пересекалась с еще одной линией, идущей от Парка Победы. Со стороны Раменок, метрах в двухстах от станции-бункера, темнел завал. Обитателей последнего подземного пристанища чудом не затопило двадцать лет назад – грунтовые воды текли почти параллельно туннелю, небольшой тектонический сдвиг после взрыва – и все, хана, последний путь. Со стороны Центра стояли гермоворота, массивные, мощные. И не открывающиеся со стороны бункера. Нужные, полезные в этой жизни ученые – физики, химики, геологи, медики, даже если и выжили в корпусах соседнего МГУ, то все остались там, по ту сторону ворот. Если еще остались. Что там – никто не знал. Их, никому не нужных в послевоенном рухнувшем мире, замуровали в полной изоляции подышать. Но они жили. Вопреки всему – жили.

Марина размышляла, вспоминала. Давно-давно, двадцать лет назад, они с историческим клубом отправились в поход. Хлестали осенние дожди, мокрая одежда не просыхала у костра. Тогда девизом стала фраза «Будем превозмогать!». Эх, знали бы они все, что мокрая одежда – всего лишь мокрая одежда, и когда-нибудь покажется она самым незначительным, самым легкопреодолимым препятствием в этой череде превозмогания...

«Интересно, хоть кто-то выжил из тех, кого я знала раньше?» – в который раз за все эти годы подумала Алексеева.

– Ты прости меня, Петя... – шептала она, глядя на изуродованное, искалеченное тело. – Прости, что подвела, что подставила, я же знаю, ты меня спасал, потому и погиб. Ты возмужал за эти годы. Стал совсем другим. Прости меня за то, что говорила двадцать лет назад. Прости, если что-то не так говорила недавно. Ты мне дорог, очень дорог. Петенька, Петя... Но я тебя не любила. Привязалась, но любила не тебя. Женьку любила. И сейчас люблю, ты ж теперь умер и сам все видишь и знаешь, лучше всех нас знаешь. И про нашу авантюру знаешь теперь, наверное. Если бы ты чудовища не испугался, оно бы само от тебя летело, поджав хвост. Они такие вещи чувствуют. Мы сами еще не поняли, не осознали, кто мы такие есть. А они уже все поняли. И ты понял. А Жени моего уже в живых нет. Поди, Симферополь разбомбили в первую очередь, столица же... Петя, сколько я тебе всего сказать не смогла. Не поведала нашей тайны, а ты мог и должен был знать. Я расскажу тебе... Послушай...

Шепот Марины прервал тройной стук во внутреннюю дверь.

– Марин Санна, мы чудовище забрать и Петра Васильича, – раздался из-за двери голос Кирилла.

«Держится мальчик. Дети бункера к смерти относятся проще. В мирные дни кто-нибудь согласился бы с разделанным на кусочки трупом оказаться в тесной комнате? Да и «философ» мало похож на Телепузика. Мы меняемся. А их генофонд, их полезное по нынешним меркам наследство – притупленные эмоции».

– Кирилл, прикрой монстра тряпкой. Несите его к завалу, огородников не подпускайте, панику не сейте. Труп Пети – в мешок, похоронить у завала.

– Марин Санна, так ведь запрещено хоронить в бункере, тела не разлагаются толком, это ж так скоро тут кладбище будет.

– Это лично мой приказ. И пусть Паценков попробует его оспорить. Выполнять, – устало ответила Марина. – Я подежурю. Свободны.

В тишине между дверями хорошо было размышлять и вспоминать. Алексеева вспоминала, как совсем молоденькой студенткой оказалась не в нужном месте, не в нужный час...

* * *

Всеобщая паника улеглась только спустя две недели. Первые дни в бункере были кошмарны, просто катастрофически ужасны. Перепуганные студенты жались у стен группками, преподаватели и сотрудники не могли установить порядок. В подземельях стояла невыносимая духота – на поверхности несколько дней подряд пылали пожары.

– Марина, вы-то что думаете? Когда уже обратно?

Один из студентов, тихонький отличник Вася, перепуганный до смерти, вымазанный землей и кровью, осторожно тронул девушку за рукав. Он был студентом на кафедре, которую курировала девушка.

Алексеева подняла усталые, заплаканные глаза.

– Вась, я не знаю. Ты думаешь, после того, что случилось, мы выживем и выберемся? Страшно...

Сквозь толстые стены бункера внешние звуки не проникали. Студенты сидели на втором этаже, у двери дежурили преподаватели и один из сотрудников охраны.

Поначалу было очень тяжело. Два дня ничего не ели, нужду справляли за углом. Запасы влажных салфеток быстро кончились, драгоценная, на вес золота минералка, чудом сохранившаяся в чьих-то сумочках, подходила к концу. Григорий Николаевич со старшими коллегами быстро сориентировался в ситуации и в спешном порядке исследовал бункер. Запасы консервов и тушенки были немаленькими, но прокормить сто пятьдесят человек спасшихся студентов, аспирантов и сотрудников долгое время было невозможно. Нужно было устанавливать единое командование.

На второй день раздали сухой паек – банку рыбных консервов и по два хлебца на человека. По кругу ходила чашка с застоявшейся, чуть горьковатой водой из найденной канистры.

Каждый час в разных концах большого зала бункера вспыхивали истерики, лились слезы, сбивались в кровь кулаки о бетонные стены. Запасы транквилизаторов в походном чемоданчике врача заканчивались, буйство грозило выйти из-под контроля.

А на третий день прозвучало страшное слово «смерть». Одна из девчонок, видимо, наглоталась стеклянной пыли, когда трескались окна. Ее рвало кровью, бедняжка непрерывно кашляла. Медик оказалась бессильна. Через час девушка скончалась.

В стенах бункера вновь запаниковали. Кто-то кричал, матерился в голос. Девочки плакали.

Марина сидела у стены на корточках, сжавшись, съежившись в комочек, и боялась поднять голову.

Бесконтрольная массовая истерика нарастала. Среди всего этого гомона и крика прогремел выстрел. В замкнутом помещении хлопок «калашникова» прозвучал неожиданно громко. Воцарилась тишина.

На бортике, шедшем вдоль стен, стоял Григорий Николаевич. В его руке дымился автомат. Заведующий кафедрой поднял мегафон, и по убежищу раскатился его голос.

– Немедленно призываю к порядку! Прекратить панику и истерику! На нижних этажах бункера обнаружены рельсы линии Метро-два. Мы отправим отряд и попросим помощи. Нас спасут.

И будто в подтверждение его словам снизу загромыхали стыки рельс, раздался гудок.

Марины в этот момент в зале не оказалось. Она, перепуганная, при звуке выстрела побегала, не разбирая дороги, и не заметила, как попала на нижний ярус бункера. В кромешной тьме, дезориентированная, трясущаяся от страха, девушка вдруг увидела мощный луч прожектора. По наитию она спряталась в нише в стене и постаралась не дышать.

На рельсах показалась моторизированная дрезина, яркий луч прожектора облизывал стены.

Вниз уже торопливо спускались Григорий Николаевич и двое факультетских сотрудников.

С дрезины соскочили три человека с автоматами наперевес, в военной форме.

Смысл беседы ускользал от Марины. Ее перегруженный мозг просто отказался воспринимать информацию. Словно из-под воды до нее долетали гулкие, оборванные фразы:

– ...фильтры в этом бункере не работают. Именно поэтому вам удалось сюда пробраться. Технический персонал мы вывели еще три года назад, когда здание НИИ выкупили под создание института. Система жизнеобеспечения вышла из строя и восстановлению не подлежит. Радиация постепенно проникнет в убежище, и вам от нее уже не спастись. Мы завалим туннель. Со стороны Центра предупреждены, что бункер заражен, поэтому гермозатвор они не откроют. Система связи отсутствует, так что не пытайтесь выйти на контакт. Можете попробовать выжить, но мне очень сомнительно, что у вас получится, – сухо изложил человек с четырьмя звездочками на погонах, держа Григория Николаевича на прицеле.

– Но там же люди! Там дети! – крикнул начальник бункера.

– Я повторяю еще раз. Радиация может распространиться по правительственной ветке, поэтому мы должны взорвать этот туннель, – отрезал мужчина.

– Мы все погибнем! Неужели вам мало жертв?! Попросите университетских впустить нас, мы их коллеги!

– Коллегами вы были в мирное время. Теперь силы ученых нацелены только на выживание. Вы все гуманитарии, ничего не умеете. Кормить лишних людей – пустая трата времени и ресурсов. Если кому-то понадобится написать историю, это сделает и физик, а вот вы никогда не сможете разработать новые лекарства и запустить генераторы. Лучше вам сдохнуть сразу и не мучиться, – хладнокровно посоветовал военный.

– Пожалуйста, помогите нам, не бросайте! – беспомощно умолял Григорий Николаевич.

Вдруг у одного из сопровождавших начальника сдали нервы. Пальцы сами нажали на спусковой крючок. К счастью, пули просвистели мимо. Военные тотчас вскинули автоматы и открыли ответный огонь. На поражение.

Девушка осторожно высунулась из своего укрытия. Двое сотрудников факультета лежали на шпалах лицом вниз. Григорий Николаевич отступил на несколько шагов, закрывая глаза от спящего прожектора.

– Не надо! Я прошу вас, я умоляю вас, помогите нам, просто спасите нас, откройте гермоворота! Мы готовы сделать все что угодно, только пожалуйста, не надо изоляции! Нам не выжить! – беспомощно уговаривал заведующий.

– Мне плевать. Вы – биомусор, чем раньше сдохнете – тем вам же лучше. Сможете выжить – флаг в руки, значит, мы ошиблись. Дела правительства – не вашего ума дело!

Григорий Николаевич застыл, осененный внезапной догадкой.

– Правительства больше нет! Город заражен радиацией, на поверхность не подняться еще много лет, а вы просто бандиты! – крикнул он.

Эхо скакало от стены к стене, словно мячик.

– Какие догадливые. Даже жаль. Хочешь жить – стой на месте! Вам и так очень повезло, в хозотсеке на верхних этажах – противогазы, химзащита и фильтры. На всех не хватит, но можете попытать счастья. Жратвы хватит на пару месяцев, а там, может, одумаетесь и перестреляете друг друга сами, чтобы не мучиться. В капитанской рубке есть оружие и радиоаппаратура. Если повезет – наладите. И заметь, мужик, мы сегодня добрые, ничего не стали забирать.

– Я доктор исторических наук, профессор, а не мужик! Помогите нам! Здесь дети! Они ни в чем не виноваты.

– Профессор – х... – срифмовал военный. – Дерьмо ты, а не профессор. На кой хрен вы, историки, нам нужны? Что вы умеете? Да ни черта.

– Всего два дня прошло! Какого лешего вы так озлобились?! Вы можете нам помочь! – крикнул заведующий.

– Мы всегда такие были. Тьфу, святоша, мля. А теперь отвали! – Военный толкнул Григория Николаевича прикладом, и тот со стоном упал на рельсы. Дрезина тронулась в сторону Раменок, где ветка соединялась с той, что шла к Кремлю. К спасению. Или все же к смерти?

В туннеле глухо громынуло, казалось, весь бункер содрогнулся. Григорий Николаевич сел на рельсах, глядя, как в луче карманного фонаря из туннеля выбиваются клубы пыли. Мужчина выругался. Потом еще и еще. Обернулся на грохот. Руки Марины соскользнули по холодному металлу, девушка полетела из ниши вниз, на рельсы. Григорий Николаевич, вскочив, подхватил ее под локоть.

– Все слышала?

Марина торопливо закивала. Она была испугана, бледна, губы прыгали – казалось, девочка вот-то заплачет.

– И что мне с тобой делать? Расстрелять, выставить наружу? Ты же понимаешь, что никто об этом не должен знать...

Марина не выдержала и заревела.

– С другой стороны... – Григорий Николаевич будто беседовал сам с собой. – Мне сейчас как никогда нужен помощник. А с тобой мы сработались. Ты верная, ответственная... Ты будешь мне помогать, поняла?

– Поняла... – прошептала Марина.

До нее наконец доходил ускользнувший смысл беседы военных, взорвавших последний туннель к спасению, и заведующего.

Фильтры бункера...

...На следующий день Григорий Николаевич и несколько студентов отправились осматривать завал. На сотом метре чернела груда обломков вперемешку с землей. Под ногами хрустела бетонная крошка, в воздухе до сих пор стоял тяжелый пыльный запах.

В завал уходили рельсы, путь к спасению и завершению изоляции. Новые жители убежища стояли у земляной стены и молча смотрели на непреодолимую преграду. Лучи фонарей облизывали полукруглые своды.

– Надо бы копать, – мрачно подвел итог Кошкин, снимая с плеча саперную лопатку.

– Бесполезно, – мрачно возразил Ваня Волков, студент-историк, рослый парень, заросший за несколько дней под землей темной щетиной.

– Надо попробовать, – повторил самопровозглашенный начальник.

Григорий Николаевич первым воткнул лопатку в нагромождение обломков, подавая пример.

Несколько часов подряд студенты разбирали казавшуюся бесконечной земляную стену, но не продвинулись дальше полуметра, лишь сбили руки в кровь, пытаясь вытащить крупные куски бетона.

Две плиты упали друг на друга и встали вертикально, перегородив проход. Копай – не копай, бесполезно. Без специальной техники с места не сдвинешь.

– Кажись, докопались, – печально заметил Ваня, отирая со лба пот. На его лице остались грязные разводы, волосы были густо припорошены пылью. Парень был похож на шахтера-рудника, не хватало каски и вагонетки. Волков сплюнул на пол и в сердцах швырнул лопату в стену.

– Докопались, – подтвердил Кошкин, глядя перед собой. Задумчивый, растерянный, руководитель чувствовал себя старым и никчемным. – Без экскаватора тут не обойтись. Да только вот где его взять теперь...

Последний возможный путь к спасению был отрезан. Остался только герметизатор, стальная стена, спрятавшая их последнее пристанище от остального мира...

* * *

«Тук-тук-тук». Марина вздрогнула, вынырнув из своих мыслей. Внутренняя дверь. Слава богу.

– Приказ выполнен, Марин Санна. Все в порядке. Петра Василича закопали в завале, монстр ваш там же валяется, под тряпками. Никто не узнал.

– Молодец, Кирилл. Занимай свой пост. Через полчаса пришлю смену.

– Марин Санна...

– Ну? – Алексеева нетерпеливо повернулась.

– Марин Санна, что с разведчиками нашими? С братиком моим что, с Лешкой? – спросил Кирилл, опуская взгляд.

Женщина вздохнула. В такие моменты она проклинала себя и весь мир. Терять своих близких – дико больно. Сказать об этом – тяжело. А сообщить о смерти чужого родственника – невозможно и вовсе.

– Леша больше нет. Его сожрал «философ». Прости, Кирюш... Мне очень жаль.

Марина так и не смогла встретиться с мальчиком глазами. Почему-то она не сразу вспомнила, что это – младший братец разведчика Леша. Пятнадцатилетний юнец Кирилл.

– Марин Санна, почему так случилось? Почему он, почему он погиб? Мы же сироты, у нас никого нет...

– У вас есть я, Кирюш. Я помогу. В любой беде.

Слова звучали глупо, странно. Да и мир, в котором не осталось и трети вещей, которые обозначались прежними словами, не мог доверять такой эфемерной субстанции... «Глаголом жечь сердца людей» безвозвратно кануло в прошлое. Теперь это был мир действия, мир жестокого конкурентного выживания. «Допрыгался, царь природы?» Мир четырех стен, мир, где нет неба. Этого ли ты хотел, человек?

Кирилл понуро поплелся к внешней двери. Да, эмоции притуплены, иначе в этом бункере все бы давно сошло с ума, но ведь и у волка есть чувства, чувства любви и верности. «А мы... Мы хуже волков...» – скользнула чужая, отрешенная мысль. Марина закрыла внутреннюю дверь и медленно побрела в сторону медпункта. Ей еще нужно было проведать Ваню.

Глава 3

Трудом и знанием

В медпункте было тихо и пусто. Марина взглянула на маленькие часики на столе медика – время обеда. Пожилая Людмила Владимировна, одна из последних «старших» – довоенный врач институтского корпуса, отправилась на второй этаж, где из большого котла разливали суп. Систему питания в бункере налаживали централизованную, добытая в разрушенной столовой электрическая плита была единственной, а костры разжигать запрещалось строго-настрого – в закрытом помещении отравиться дымом было проще простого. Еду готовили по очереди назначаемые Василием – помощником Андрея – дежурные, посменно, три раза в день. Вторая смена дежурных отмывала кастрюлю и миски. В условиях железной дисциплины обед выдавался по часам. Марина нахмурилась – прием пищи она пропустила. Так бывало и раньше, но верный Петя припасал для нее миску супа, относил в кабинет, где можно было доесть его хотя бы холодным. Теперь заботиться о начальнице было некому.

– Петя, Петенька... Почему именно ты? – горько прошептала Алексеева.

За ширмой заворочались. Послышался стон.

– Марин, ты? – раздался слабый голос Вани. Он характерно картавил.

– Да, я. Как ты? – Женщина зашла за ширму.

Ваня Волков, один из коллег Марины по факультету, молодо выглядящий мужчина с темной бородой и сединой на висках, лежал на кушетке у стены. На его щеках играл болезненный румянец, рука была перевязана бинтами.

– Жить буду, не помру, – в тон ей отвечал Волков.

– Только рука? Или еще что-то?

– Только рука. Меня Петя прикрыл, когда я дверь отпустил. Пока «философ» его пытался сожрать, я тварь и шлепнул. Прости, Марин. – Ваня отвел взгляд, сообразив, что женщине больно слышать про Петра Васильевича.

– Ничего. Значит, так было нужно. Он спас тебя и меня. Нечаянно или осознанно – я не знаю. Мне важно, чтобы ты поправился. Если бы мы оплакивали каждого умершего, рыдали бы до сих пор. Ваня, ты мне нужен сейчас. В планах вылазка, потом нужно озаботиться вакцинацией.

– Марина, – Ваню передернуло от слова «вакцинация», – мы уже который год колем себе фиг знает что. Ты мне одну вещь скажи: почему именно геронтологические препараты? Может, стоило бы колоть что-нибудь для иммунитета, искать панацею от радиации? Зачем ты пытаешься сохранить нас вечно молодыми?

– Потому что так нужно. Ты не понял, что даже если каждый месяц ты меня будешь спрашивать об этом, мой ответ не изменится? Так как твоя рука? Что у тебя там?

– Перелом и открытая рана, у этой тварюги зубы – кость пополам раскусывают только так. Срастется. Но в экспедицию с переломанной рукой не пойду.

– А я тебя с переломанной рукой и не возьму. И вообще никого не возьму. Одна пойду.

– Сдурела?

«Ванечка, Ванечка... Знал бы ты правду!»

– Ничего. Автомат в руках держать умею, отобьюсь, – бросила Марина.

– Если не вернешься, все твои тайны и интриги станут общедоступными! И представь, что тогда будет с бункером, – прошептал Волков.

Марина ухмыльнулась. У нее хватало ума носить записную книжку с собой в поясной сумке, поэтому тайны умрут вместе с ней. «Или с последней каплей препарата», – про себя добавила Алексеева.

- Ничего не случится. Тебе вкололи промедол?
 - Не, повязка новокаином пропитана. Промедол беречь надо, его мало, а новокаин так не спасет, как шприц промедола при травме на поверхности.
 - Больно? – участливо спросила Марина.
 - Да не маленький, потерплю. Сейчас Людмила Владимировна супчику принесет, поем – и отсыпаться.
 - Лады. Отдыхай. А я побегу, у меня еще дел достаточно.
 - Бывай, – улыбнулся Ваня.
- Марина закрыла за собой дверь медпункта. «Молодец, держится. А сколько натерпелся – страшно подумать...»

Заместитель начальника бункера спустилась по шаткой лесенке на второй этаж в надежде успеть к окончанию обеда. Но не успела – все уже доели, и дежурные унесли миски и котлы в мойку.

Сейчас взрослое население бункера разошлось по своим делам, а восемьдесят три юных обитателя бункера – от пяти до семнадцати лет – сидели прямо на полу рядами и слушали, как Василий, помощник Андрея Савельевича, читает лекцию по истории.

Когда случилась Катастрофа, Григорий Николаевич вместе с коллегами решил сделать в изолированном бункере оплот культуры. Иного выхода не было: в замкнутом пространстве, в изолированном помещении, свободное время становилось губительным. От безделья развивалось вольнодумство и бесконтрольная массовая паника. Решив неотложные проблемы с питанием, освещением и водоснабжением, профессор Кошкин быстро справился с организацией досуга в новом, непривычном для исчезнувшего мира социуме.

Студентов в свободное от обязательных работ время усаживали рядами в бункере, и каждый из выживших преподавателей рассказывал что и как умел. Среди спасшихся оказался один экономист, по совместительству математик, четыре профессора-историка, в том числе несостоявшийся научный руководитель Марии Филипп Игоревич, медиевист. Правда, долго он в бункере не прожил – всего два с половиной года. Также спаслось трое философов и охранник, который преподавал молодежи средства самообороны, устройство «калашей» – их в бункере оказалось десять, – и выживание при радиации. Именно это оказалось самым ценным навыком. Охранник, правда, тоже долго не протянул – сказывались постоянные дежурства на верхнем уровне, да и возраст у него был немолодой.

Теперь – сами уже немолодые, умудренные практическим прикладным опытом и базой знаний, бывшие студенты – историки, философы и политологи – передавали накопленные сведения молодежи.

Всего преподавателей было восемь. «Уже семь...» – горько подумала Марина. Ваня рассказывал подрастающему поколению историю Советского Союза. Вскочив на грубо сколоченный ящик, заменявший трибуну, он вдохновенно вещал про Ленина и Сталина, про Вторую мировую войну и Интернационал. Молодежь, никогда не видевшая внешнего мира, в такие моменты замирала и слушала раскрыв рот. Марина преподавала пение и рисование (вспомнился прежний опыт – до Катастрофы, помимо работы на кафедре, женщина занималась пением с детсадовскими детьми). Когда стройный хор голосов оглашал своды бункера, время замирало. В гробовой тишине чуть хриловатые от долгого пребывания под землей, видоизмененные из-за мутации рты выводили «Россия – священная наша держава!», замысловатые русские народные песни и средневековые хоралы, коих Марина еще помнила несколько штук. Добытый в подвале магазина электронике синтезатор барахлил, постоянно выходил из строя, но ценился как величайшая святыня. Без разрешения Марины к нему не мог прикоснуться никто, даже Андрей Савельевич. А те, у кого обнаружили способности к рисованию, охотно пачкали блокноты шариковыми ручками и залитыми спиртом фломастерами, такими желанными и дорогими. Костя, один из студентов-историков, показывал приемы самообороны, учил

молодежь собирать и разбирать выведенный из строя «калашников», показывал, как правильно целиться, маскироваться, где находятся болевые точки и нервные узлы. Ирина, девушка-философ, рассказывала новому поколению о великих ученых прошлого, заставляла их думать, познавать себя. Марина уходила с ее занятий подавленной и грустной. Слишком много самокопания в этом мире до добра не доводило, поэтому занятия Иры она контролировала лично. *Cogito ergo sum*, «пока я мыслю, я живу», – но этого самого «когито» в мире, где не живут, а выживают, не могло быть слишком много.

Сейчас ребят обучал Василий. Мужчина был несколько старше их всех, когда случилась Катастрофа, он заканчивал аспирантуру. Вася преподавал математику и элементарную физику – насколько сам знал и насколько помнил. Ребята галдели, не слушали – математик даже прикрикнуть толком на них не мог. Да и понимал, что предмет, казавшийся бесполезным на поверхности, сейчас еще больше потерял смысл. Цепочки формул, какие-то непонятные знаки для старших, таблица умножения для малышни – все это казалось подрастающему поколению скучным.

– А ну, тишина! – прикрикнула Марина, приветственно помахав Васе рукой.

Ребята сразу притихли, как-то сжались, стараясь казаться незаметнее.

«Неужели меня так бояться?» – невесело подумала Марина. Подумала – и тотчас кивнула самой себе. Боятся. Еще как. Уважают, но страшатся. И тому есть причины.

Василий продолжал урок. Алексеева прошла дальше. Вон, у стены скатана в рулон карта России. Разведчики еще лет десять назад раздобыли чудом уцелевший ламинированный кусок бумаги полтора на полтора метра. Это спальное место Ксении Андреевны, девушки-историка, которая занималась до войны исторической географией. Сейчас ей выпала честь обучать детей премудростям землеописания. Ксюша сидела у стены и рисовала в блокноте, периодически задумчиво покусывая ручку.

– Привет. Чем занята? – улыбнулась Марина, присаживаясь к ней.

– План местности по памяти рисую. Посмотришь? – приветливо ответила женщина. С бывшими коллегами отношения у Марины складывались довольно удачно.

– Посмотрю. – Алексеева взяла у Ксении блокнот. – Это Ломоносовский проспект, что ли? Довоенный? Ты еще помнишь, как он выглядит?

– Ну, ты же помнишь, как в Симферополе вдоль реки Солгир пройти от железнодорожного вокзала до авто, – усмехнулась Ксюша. – А была-то там пару раз. А я по Ломоносовскому каждый день в универ таскалась от метро.

– А вот на большое место давить – некрасиво, – мягко пожурив ее Марина. – Но сейчас ты ошиблась. После войны все давно уже разворотило, и выглядит план совершенно иначе.

– Да я представляю, надо думать. Только детям покажу, как и правда было. Они чаще начали спрашивать, что там, на поверхности.

– Поколение разведчиков растет. В советские годы все хотели стать космонавтами. В наше время это ушло в прошлое, было крутым сидеть на попе ровно и ничего не делать, зато деньги грести лопатой, в чести были профессии бизнесменов, банкиров и прочей шушеры. А теперь, когда деньги уже ничего не значат, снова в моде стали опасные профессии. Только она у нас одна. Разведчики. Что это – регресс или цикл?

– Регресс. Цикла быть не может. Нечего восстанавливать. Видела, чего приволокли из последней экспедиции?

– Из той, которую Паценков отправил?

– Ну да. Мне Миша принес, он мне постоянно что-нибудь интересное приносит. – Ксения вытащила зажатый между страницами блокнота листок.

Заляпанный кровью клочок бумаги. Марина торопливо скользнула по нему глазами.

«...черные лезут. Они не боятся радиации, живут на поверхности. Не боятся прожекторов и идут на пули... Выглядят как люди, ходят на двух ногах... Щупальца жалят... Спасите. ВДНХ...»

– Откуда это? – спросила Алексеева.

– Мишка с земли поднял. Видимо, у какого-то местного разведчика выпал. Не знаю зачем, но очень ему этот клочок приглянулся. Он вообще до сих пор верит, что мы можем связаться с внешним миром. Только метрошники нам двери не открывают, – вздохнула Ксения.

«И не откроют!» – зло подумала Марина. Однако вслух спросила:

– Что думаешь на этот счет?

– Насчет черных? Мутанты, наверное. Сожрут ВДНХ, костей не оставят. Жалко. Я, помнится, каждый день через ВДНХ из Пушкино ездила на автобусе. Красивая станция. Особенно решетки на вентиляции круглые нравились.

– Мутанты? На двух ногах, которые осмысленно идут под пули?

– С чего ты взяла, что осмысленно? Они чуют добычу.

– Добычу? Не, будь это бездумные животные, инстинкт самосохранения взял бы верх. Это хомо новус, новый король верхнего мира.

– Ты со своими теориями совсем с ума сходишь, – усмехнулась Ксюша. – Какой хомо новус? Может, конечно, и новус, но то, что хомо, – очень сомнительно. Последние люди отсиживаются по бункерам и убежищам, как тараканы...

– Как знать, как знать, – покачала головой Марина. – Ладно, Ксюш. Пойду я. Еще дел полно.

Еще из «старой гвардии» в бункере оставался Юра, бывший политолог, единственный, пожалуй, человек, который мог объяснить подрастающему поколению, *почему* они оказались здесь. Юру уважали, молодежь ходила за ним хвостом, его теории о будущем мира сего поселяли в души надежду. Марина горестно усмехнулась. «Надежду... Что же, надежда помогает выжить. Но разве выживание – самоцель в этом мире? Выжить – чтобы стать? Кем?»

– А еще был Петя. Но теперь его нет. Просто все как... Был – и нет... Не стало – так бездарно и так просто... – прошептала женщина.

Их оставалось четырнадцать. Четырнадцать тех, кто помнил прошлый мир, в этом проклятом бункере, последнем пристанище.

Был Андрей Савельевич, их бессменный начальник.

Любаша – агротехник, женщина немолодая, но с горящим взглядом. До войны Люба каждое лето проводила в деревне далеко за МКАД, копалась на огороде. Ее розы каждый год в начале осени украшали кабинеты. Навыки Любы в выращивании растений спасли бункеру жизнь. Это она первая додумалась до применения ультрафиолетовой лампы, уговорила команду разведчиков совершить опасную вылазку далеко в город в поисках мешка минеральных удобрений, она разбила грядки на нижнем ярусе, и теперь мелкая, жухлая картошка, морковь, свекла – самые неприхотливые корнеплоды – составили основу рациона подземных жителей.

Была Валя – старший повар. Она единственная из оставшихся «старых» не была студенткой. Ее спасло то, что столовая находилась на первом этаже, и молодая женщина успела скрыться в убежище, когда началась бомбежка.

Миша, старший разведчик, муж Ксении. Как сказать – муж... В бункере браки заключались начальником, и в условиях меньшинства мужчин измена оказывалась морально и этически оправданной... Миша за двадцать лет стал опытным разведчиком, зараженную поверхность и разрушенные, кишасие мутировавшими тварями кварталы Раменок он знал наизусть. Когда через два месяца узники бункера решились высунуться на поверхность, он первый отвоёвал себе костюм химзащиты, и с тех пор почти не расставался с ним. Они с Мариной вместе

поднимались в разрушенный корпус в первый раз, когда группа разделилась, и их кратковременная вылазка была страшной. Мишка на руках дотащил Марину до дверей бункера, когда она, перепуганная до смерти, не могла идти...

* * *

За два месяца жизни под землей централизованное управление бункером наладилось. Нужно было организовать вылазку на поверхность. Неизвестность томила и пугала больше всего. Нарастали панические настроения, поэтому созрела необходимость идти и проверять, узнавать, решать...

Тогда о мутантах речи еще не шло. Страшна была радиация, стелившаяся по земле, набившаяся в землю и в стены. Опасна была радиоактивная пыль, усеявшая город.

Михаил Чернов первый вызвался идти в разведку, когда Григорий Николаевич кинул клич. В тот день начальник вызвал к себе Марину.

– Ты идешь с ними, – сказал он.

Девушка побледнела. В ее памяти не померк кошмар, который творился на поверхности в день Катастрофы.

– Почему я? – прошептала она.

– Потому что ты моя правая рука. И раз на тебя возложили эту большую ответственность, ты должна оправдать надежды. Тебе я доверяю, и, как ты поняла, доверяю безоговорочно. И потом, только тебе я могу сказать, что именно нужно принести с поверхности.

– Вы про еду?

– Да, и про нее тоже. Читай.

Марина скользнула взглядом по листу бумаги.

– Из лаборатории? Но там же, наверное, все сгорело?

– Ваша задача узнать это. Ты все поняла? Единственное, что может нас спасти, – лекарство из лаборатории геронтологии. Людмила Владимировна вспомнила, что в нескольких кварталах отсюда находилось некое закрытое медицинское учреждение. Там шли правительственные разработки множества лекарств, в том числе интересующая нас вакцина от старости. Ты должна проверить, не осталось ли в здании экспериментальных запасов. Они – наш путь к спасению. Осознала? – сурово спросил Григорий Николаевич.

– Осознала. Если не найду?

– Если не найдешь – плохо будет всем. Свободна. Через десять минут у второй гермодвери – инструктаж.

Инструктировал небольшой отряд начальник охраны, Павел Александрович.

– Ваша первоочередная задача – разведка. Не вступать в перестрелку...

– С кем? – удивленно спросил Миша.

– Мародеров в городе может быть достаточно, спустя два месяца разграбить остатки не успели, а радиационный фон должен упасть. Я не знаю, что ждет вас наверху. Я не знаю, как долго удержит радиацию химзащита и сможет ли вообще.

– Что значит – сможет ли вообще? Вы посылаете нас на верную смерть? – вскрикнул бывший студент первого курса Николай.

– Не перебивай. Я не даю гарантий. Просто не могу их дать. В любом случае, слушайте дальше. В низины не спускайтесь, в воронки не влезайте. Там могут скопиться газы. К примеру, хлорциан. Или соляная кислота, если шли дожди. Если увидите, что по земле стелется что-то зеленое, – бегите. Не рискуйте лишний раз. Противогазы не снимать ни под каким предлогом. Автоматы держать на предохранителе, без надобности не использовать. Не разделяться. Командиром отряда назначаю Михаила Чернова. Миша, инструктаж понял?

– Понял, – мрачно ответил парень. – А вы? Вы с нами не пойдете? Почему? Вы посылаете вчерашних студентов без сопровождения в неизвестность? На смерть? На что?

Вокруг зашумели.

– Чернов, отставить истерику. Ты сам вызвался добровольцем. За язык тебя никто не тянул, – холодно ответил Григорий Николаевич, появляясь из-за двери. – Ты уверен, что хочешь знать правду?

– Уверен! – с вызовом бросил Михаил.

Марина тяжело вздохнула. Она-то отлично поняла, почему отправляют именно их.

– Так вот, Миша, представь, что бункер – изолированный, без всяких контактов с внешним миром, оказывается без знающих людей. Если в экспедиции погибнет Павел Александрович, бункер останется без человека, смыслящего в боевом искусстве и средствах защиты от радиации. А если погибнет пять-шесть студентов, которые еще ничего не увидели в жизни, – много ли потеряет бункер? Да, по сути, ничего. Сколько ваших коллег лежит на поверхности, погибших от взрывов, задавленных, отравившихся? Сотни. Или, Миша, без взрослого дяди в двадцать лет никуда пойти не можешь? Надо за ручку отвести? Тогда иди полы подметать, тут особого ума не надо! – Григорий Николаевич посмотрел юноше в лицо.

Михаил отшатнулся, у него побелели губы. Но промолчал.

– Давайте сюда вашу химзащиту. Справимся как-нибудь! – мрачно ответил он, вырывая из рук Павла Александровича светло-зеленый защитный комбинезон.

Марина последовала его примеру. Уж от кого, а от нее Григорий Николаевич точно хотел избавиться. «А хрен ему! Выживу!» – зло подумала девушка. Начальник бункера мягко обнял ее за плечи и отвел в сторону.

– Марина, ты помнишь, что я доверил тебе важное задание. Тебе я разрешаю отделиться от разведгруппы, в помощники с собой возьмешь Михаила. Про задание ему не рассказывай, используй парня как прикрытие, если встанет угроза твоей жизни. Ты должна найти препарат. Как – я не знаю. Но ты должна.

«Твою мать!» – ахнула Алексеева. Вот оно что. Секретное задание, насчет которого осведомлена только она, но какой ценой!

– Мне все ясно.

– Мариночка, я не хочу от тебя избавиться, у тебя же на лице написано, что ты так думаешь. Послушай. От тебя зависит жизнь всех, кто остался в этом бункере. От тебя зависит то, как долго мы протянем. Ты – второй человек после меня, и я сделаю так, чтобы тебя слушались, если ты сможешь достать мне то, о чем я тебя просил. Лекарства от радиации нет... да и оно нас не спасет. Мы слишком долго тянули время. Поторопись. Ты можешь вернуться – и обнаружить свихнувшихся каннибалов, которые не будут соображать, что они делают. Ты видела, сколько человек умерло за эти два месяца. Остались самые стойкие. И в твоих руках – их спасение. Давай. И береги себя, ты нужна мне живой и невредимой. Ты мне очень помогла. Не держи зла. И Мише скажи, пусть не держит. Унижение – самый верный способ пресекать массовую истерию. Так было нужно. Я не чудовище, Марина, не думай обо мне плохо. Я сам запутался. А теперь – ступай. И удачи, – тихо сказал он.

Девушка подняла глаза, полные слез.

– Я постараюсь... – прошептала она.

– Отставить нюни. Соберись. Это очень важно.

Марина натянула противогаз, скрыв бурю эмоций за толстым плексигласом. А дальше... Дальше последовало превращение – из милой, излишне эмоциональной студентки – в сурового и подчас жестокого помощника руководителя бункера.

* * *

«Все люди – приспособленцы, – грустно размышляла Марина, поднимаясь по шаткой лесенке в свой кабинет. – Разве я когда-то могла подумать, что все сложится именно так? Что я спокойно смогу отдать приказ убить человека, застрелить без лишних колебаний? Разве кто-то знал, что я не заплачу, когда умрут мои самые дорогие и близкие? Человек только кажется твердой материей. Он гибкий. Но способен отвердеть душой, когда это нужно. В нашем бункере мы возродили культуру, мы сумели научить детей тому, что знали сами. И кому это нужно? В метро мы не прожили бы ни дня – мы не умеем зубами вырывать себе жизненное пространство. И я не умею. И Мишка не умеет, хотя уж он-то очень суровый и даже жестокий. Нам это не нужно. На нас никто не нападает, никто не покушается. «Философы» – это так, фигня по сравнению с тем, какие твари лезут в метро. Да те же черные с ВДНХ. А с Воробьевых гор, из Москвы-реки? А мы сидим тут, играем в культурную жизнь. Детей учим прошлой истории. Кому это нужно в современном мире? Мы не хомо новус, как хочет думать Ксюша, не оплот новой цивилизации. Мы реликты, живущие прошлым. Динозавры, поверившие, что красота спасет мир. Среди всеобщего первобытного хаоса мы пытаемся быть людьми. Но люди ли мы? Когда у детей по сорок зубов... И мы все еще верим в чудо. Чудо – в замкнутой популяции, без связи с внешним миром? И с последними пятнадцатью ампулами лекарства на сто с лишним человек. Кого спасать? Себя, Андрея? Детей? Нет. Тех, кто сильнее. Как говорил Григорий Николаевич... Как же тяжело. К кому взывать, какому богу молиться в мире, где сама земля стала адом?»

Марина вытащила из сейфа коробочку с ампулами, пересчитала. Четырнадцать. Даже не пятнадцать. В маленьком бункере, где не было денег, не было обмена, а была всеобщая трудовая повинность, это – самое главное богатство. Это – путь к жизни. Последние четырнадцать. Спасти жизнь двадцати восьми человек, продлить ее на пару месяцев? А остальные? Если не выколоть лекарство остальным, то и те не спасутся, скорее, будут мучиться еще сильнее.

«Что же делать, что делать?» – спрашивала саму себя Марина – и не находила ответа. Григорий Николаевич знал, что так будет. Но он умер, перейдя в лучший мир, а она, заместитель главы бункера, здесь, и ей срочно нужно принимать решение.

От навязчивых мыслей ее отвлек стук в дверь. На пороге стоял Миша.

– Марин, разведчик вернулся, из нашей экспедиции. Он между дверями. Распоряжения?

– Сразу ко мне! Разговоры пресекать. Ко мне никого не впускать. Андрея в известность не ставить, – нервно ответила женщина. Ей стало не по себе. Что такого экстраординарного могло произойти на поверхности, чтобы разведчики, которым с детства было вбито в голову держаться только группой, разделились? – Почему задержка? Почему Леша вернулся раньше?

– Это Володя, говорит, что был в метро. Глаза горят, весь в эйфории. Может, перепугался чего и умом тронулся? – Михаил внешне был спокоен, но в его глазах плескалось радостное удивление. Если слова паренька правда, то сбудется его мечта, они попадут в метро, вернуться к людям, будут спасены!

У Алексеевой на сей счет были иные мысли. Если разведчик действительно побывал в метро, то его возвращение чревато бунтом. Марина не собиралась допускать контактов с внешним миром, и на то у нее были причины.

– Понятия не имею. Его – ко мне, срочно, – бросила женщина.

Пока Миша ходил за Володей, Алексеева набрала в шприц лоразепам – сильное снотворное. «Надо немного подстраховаться», – вздохнула Марина. Ей не хотелось, ой, как не хотелось делать из молоденького разведчика местного сумасшедшего. Но придется.

Михаил завел паренька в кабинет и вышел.

– Владимир, – улыбнулась Марина. – Рада, что ты вернулся живым и невредимым.

– Да, Марин Санна! Вы представить себе не можете! Мы встретили разведчиков, местных, они нас к себе отвели! Их сталкерами называют! – Глаза разведчика сверкали.

Алексеева нахмурилась. Ей очень не хотелось разочаровывать восторженного мальчика. Горло сдавил комок, на глаза навернулись слезы.

«Лучше нам всем сдохнуть, чем так!» – хотелось закричать.

– Володя, скажи, почему Леша вернулся один и где Никита? – мягко спросила женщина.

– Ник остался там, со сталкерами!

– Там – это где?

– На Фрунзенской! Мы вдоль реки спускались, до Воробьевых дошли, а тут – разведчики! С Фрунзенской! Настоящие! Они так ловко отстреливались от мутантов из реки, и оружие у них крутое, не то что наши «калаши»! – Мальчишка никак не мог отдышаться, все его существо бурлило от восторга.

«Он пришел рассказать важную весть. С нами идут на контакт, мы спасены, мы можем отправиться жить в социум. Жаль его обламывать. Очень, очень жаль», – с тоской думала Марина, глядя в сияющее лицо юного разведчика.

– Какого черта вас понесло к Москве-реке? Я просила вас отправиться в сторону метро Юго-Западная, дала четкое задание и указания. Почему вы нарушили приказ? – устало спросила она.

– Мы нечаянно! Мы посмотреть хотели, что за монстры такие в реке водятся, о которых дядя Миша рассказывает!

«Дядя Миша... По ушам получит этот «дядя Миша», чтобы детям психику не травмировал своими рассказами! Пусть сам теперь разгребается, разведчик-фанат! Метро ему подавай, людей! Морочит детям голову, вся моя воспитательная работа насмарку!» – На Марину накатила злость.

– Дальше.

– Ну, мы к реке пошли, а оттуда такая дрянь вылезла, прямо шестилапый осьмидесятихрен!

– Я сколько вас отучаю ругаться? Имей совесть. Ты сдаешь отчет, а не рассказываешь байку! – прикрикнула Марина.

– Простите, Марин Санна. – Паренек опустил глаза. – В общем, она скользкая такая, куча щупалец, по земле на нас поползла, на каждом щупальце как пасть такая, зубастая, и глаза – большие, слизистые. Беее!

Алексеева поморщилась. Да-да, с этим чудом природы приходилось сталкиваться и ей. Тогда эта гадость укусила за ногу Виталия, ее опытного и верного боевого товарища, прогрызла «берцы» и «химзу», прежде чем ей отстрелили глаза и пару щупалец. Виталика, конечно, пытались выходить, но то ли шестилапый оказался ядовитым, то ли не успели, но Виталий умер от сепсиса.

– Вы могли пострадать. Вас могли убить, сожрать. И я говорю не только о твоей твари из реки. Разведчики соседних станций не менее опасны, поверь мне. Я же велела вам не вступать в контакт! Хорошо. Что было дальше?

– Ну, тут – бабах, и дрянь эта в реку обратно полезла. Мы смотрим – а тут разведчики! Метрошные, настоящие! Ну, они нас расспросили, кто такие, мы им и рассказали, что из бункера. Они нас с собой взяли. Мы целые сутки в метро провели. Там, на Фрунзенской, что творится! Там ветка красная, коммунисты, говорят, заправляют, такие же, как Иван наш! Класс! Шумно, весело, а сколько народу!

– Это все лирика, Володя. Почему Алексей пошел один и почему ты вернулся, а Никита остался там? – напустив в голос канцелярской сухости, спросила Марина.

– Леха еще тогда, когда мы к дверям метро подошли, свалил. Мол, вы не велели ни с кем болтать, ему выговора не надо. Если вы разрешите, он вернется, благо, стук теперь знает. А если нет – то сказал, что нафиг ему это метро не упало, его и тут кормят.

«Какой мальчик, а? Преданный, верный. Пожалуй, из Лешки можно было бы вырастить неплохого помощника, будь он жив и было б у нас время...»

– И вы отпустили его одного? Через реку, где в любой момент может вылезти мутант?

– Он сам так попросил. А мы так в метро хотели попасть! Это же наш шанс! Отправили Леху посыльным к вам, а сами решили обстановку разведать. Вы же сами говорили, что мы разведчики!

Мальчишка потихоньку сникал, видя, что Марина Александровна все больше нервничает и совсем не разделяет его восторгов.

– И что же ты хотел передать мне, разведчик?

– Фрунзенская приглашает нас к себе! Мы рассказали, как хорошо жить в бункере, про агротехника, тетя Любу, про наши боевые искусства и образование! Они хотят, чтобы мы переселились к ним!

«Неслыханная щедрость! – с горькой иронией подумала Марина. – Спустя двадцать лет, когда все уже налажено, позвать нас к себе!»

– А Никита зачем остался?

– Он решил, что надо там уже обжиться! Марин Санна, там такоооооо! Там людей много-много!

– Ты повторяешься, Володя. Леша мертв. Из-за вашей безответственности его сожрали «философы». Больше тебе скажу. Когда мы пытались втащить Леху в бункер, в стычке с «философом» погиб Петр Васильевич. Вы с Никитой ослушались приказа. Ты знаешь, что за это в бункере полагается расстрел или, если руководство сочтет нужным вас помиловать, карцер и исправительные работы?

– Марин Санна, но мы же сделали доброе дело! Мы поможем всем выжить! Так будет лучше!

– Ты ослушался моего приказа, – отдельно повторила Алексеева. – Я запретила идти на контакт с жителями метро в мое отсутствие. Это четко объяснялось на инструктаже. Также четко было сказано, что нельзя менять общее направление маршрута вне чрезвычайной ситуации и отделяться от разведгруппы. Теперь скажи мне, что будет, если ты не вернешься к Никите? Что тебе сказали разведчики? Никита же не просто так там остался, а ты соврал мне.

Мальчишка совсем сник и едва не плакал.

– Да, его оставили, а меня отправили сюда. Если я не вернусь вместе с вами, они сами придут, с Никитой.

Марина взяла со стола шприц.

– Не дергайся, а то могу нечаянно сделать больно, – приказала она, протыкая иглой тонкую рубашку мальчика в районе предплечья.

– Это чего? Марин Санна! – крикнул Володя, испугавшись.

– Просто снотворное. Не бойся. Встреча с гадостью из реки на тебя повлияла дурно, тебе привиделось, что тебя пустили в метро. Нам вход туда закрыт, они не нужны нам, а мы – им. Завтра ты проснешься и поймешь, что тебе все приснилось. Всего лишь сон, – негромко промурлыкала Марина, поднимая мальчика со стула и укладывая его на свою кровать.

– Я все видел! Я все сам видел, там люди, там хорошо! Там Никита! – не унимался разведчик.

– А если ты и дальше будешь трепать языком, то я отправлю тебя в карцер, за непослушание. Это все сон, ты понял? – не повышая голоса, медленно сказала Марина.

– Я... все... видел! – последним усилием выговорил мальчик. Язык его не слушался. Наконец, Володя провалился в сон.

Марина выглянула в коридор и вызвала Мишу.

– Мальчик получил сильный стресс. Они с Никитой и Лешей отправились к реке, посмотреть на мутантов, и не справились с ними. Никита погиб сразу, Леша сбежал, но попался

«философам» у бункера. А Володя так перепугался, что ему мерещатся разведчики и линии метро. Ты же понимаешь, что в метро его никто не звал, это защитная реакция организма на потрясение. На поверхности наших больше нет. Двери бункера не открывать. Мутанты обладают отличной способностью к звукоподражанию. Дежурных и всех, кого я буду отправлять на поверхность, я оповещу о новом сигнале. Володю отнеси в медпункт, как придет в себя – сразу ко мне, хоть посреди ночи, предупреди медика. А лучше – пусть Ваня за ним приглядит. Пока в бункер не выпускать, мало ли, что ему еще может померещиться.

– Почему ты думаешь, что он соврал? А вдруг? – негромко спросил Миша, присаживаясь на край кровати рядом со спящим разведчиком.

– Потому что помимо рассказней о метро он наговорил огромную кучу всякого прочего бреда. Рассказывал про какие-то суперавтоматы у разведчиков... Ты ж понимаешь, что ничего, кроме охотничьих ружей и «калашей», им тут найти нечего. Да и – век технологий прошел двадцать лет назад. Так что, я уверена, это просто стресс. А отправлять целую экспедицию на Фрунзенскую, мимо мутантов из Москвы-реки – я не соглашусь.

– Марина, почему бункер до сих пор не вышел на связь? У нас хватает сил и умельцев. Почему мы не сходили к метро, не попытались выйти на контакт?

– Миша, ты хочешь быть сожранным заживо? Если Володе повезло, это не значит, что повезет тебе. Ты представляешь, как устроено метро? Чтобы попасть к гермоворотам, нужно спуститься по эскалатору. А теперь представь: на стандартный SOS двери метро тебе не открывают, потому что мало ли какая шваль ходит вокруг, а следом за тобой по эскалаторам крадется очередной шестилапый восьмихрен, коих много в округе развелось. И что? Финита ля комедия?

– Можно поставить прикрытие наверху.

– И продлить свою жизнь на две минуты. Ты видел, что стало с Виталием. «Химза» и «берцы» тебя не спасут. Патронов достаточно выделить не могу – у меня их просто нет, а рисковать людьми – увольте, последняя экспедиция – ты сам все видел. В этой вылазке двоих сожрали, один тронулся умом. А если ты спустишься к закрытой гермодвери, в узеньком проходе с тремя эскалаторами, хрен ты куда оттуда денешься. Хочешь устроить самоубийство – иди. Только людей я тебе не дам.

«Ва-банк... – устало подумала Марина. – Если согласится – придется его убрать».

– Нет уж. Пока живем – и слава Богу. Совсем туго станет – будем проситься к соседям. Когда всей толпой из этого бункера свалим. А пожить еще охота. Ты права. Нафиг мы никому не сдались с нашим бункером, – подозрительно легко согласился Миша. – А теперь, может, ты перестанешь изображать из себя черт знает какого агента-шпиона и все расскажешь?

– Что тебе рассказать, Мишенька? – невинно захлопала глазами Марина.

– Почему ты упорно не идешь на контакт с внешним миром.

– Потому что, Мишенька, есть у жадных людей такая особенность: чужие денежки себе пытаться захватить и чужих девочек, – пропела женщина.

– Прекрати юродствовать!

– А я не юродствую, Миш. Я совершенно серьезно тебе отвечаю, почему нет. Потому что стоит нам отправить наших выращенных в бункере детей в метро и отправиться туда самим, мы тотчас же помрем от банального гриппа. Потому что тут у нас особый микроклимат, к которому все привыкли, а там будет беда.

– Бреешь, Марина, – спокойно ответил разведчик, но на его лице отразилась почти что детская обида и непонимание.

Женщина сглотнула, справляясь с собой. «Какая же я сволочь... Врать последним близким людям, которые у меня остались. Ради их спасения и безопасности, конечно, но разве это оправдание?» – с тоской подумала она.

– Ошибаешься. Поэтому Григорий и отказался спустя пять лет что-то предпринимать. Это слишком опасно. А жить хотят все, ты верно заметил.

– Ты уверена, что будет так?

– На сто процентов. И пожалуйста, не поднимай больше эту тему и никому в бункере не давай поднимать. Когда совсем припечет, пойдем к соседям. Пока всего хватает, и все у нас хорошо.

– Договорились, – обиженно пожал плечами мужчина.

Михаил без труда поднял худенького Володю на руки и понес в медпункт.

– Миша!

Разведчик обернулся, через плечо посмотрел на боевую подругу.

– Ты не веришь мне? Я никогда не желала тебе зла. Пойми меня и не задавай вопросов, – тихо попросила заместитель начальника бункера.

Мужчина улыбнулся, но в его глазах затаилось недоверие и огорчение.

Марина захлопнула дверь и без сил рухнула на кровать.

Глава 4

Пластохинон

Марина вскрикнула, закрыла ладонями плексиглас на противогазе, чтобы не видеть жуткой картины. Сотни, сотни трупов. Подвал некогда трепетно любимого учебного корпуса был усыпан телами тех, кто рвался в бункер, но не успел. Останки выглядели жутко – погода, бродячие собаки и радиация делали свое дело.

– Подниматься в здание не будем, надо к выходу. Скорее, идем! – прогудел через противогаз Миша.

Почти бегом, насколько позволяла химзащита и тяжелые сапоги, шестеро разведчиков бросились из подвала корпуса, поминутно отступаясь на кирпичных обломках, падая и поднимаясь снова.

Марина помнила, что впереди их ожидает парковка, переполненная остовами сгоревших машин. На некоторых сиденьях через растрескавшиеся от жара стекла были видны черные скалящиеся останки.

«А ведь это – самая элита наших факультетов, платные студенты, те, у которых родители могли позволить и машины, и огромные суммы за обучение. Не спасли ни деньги, ни связи. Хотя кого-то, наверное, успели спрятать в глубокие бункеры заботливые и влиятельные папы...» – с ужасом думала девушка. От ее частого дыхания стекло противогаза запотело, она двигалась почти вслепую.

Ребята пробирались вдоль стены, стараясь не шуметь, боясь нарушить последний покой умерших.

Наконец им в лица хлынул яркий свет. Миша закрыл рукой плексиглас и, дезориентированный, опустился на корточки. Марина вжалась спиной в стену, не открывая глаз.

Проморгавшись, разведчики отважились пойти дальше. От ожога сетчатки и полной слепоты ребят спасло отсутствие солнца. Над городом зависли свинцовые тучи, шел снег.

– Снег? – тихо спросил Витя, самый младший в команде. – Два месяца назад было лето, сейчас не может идти снег!

– Тихо! – шикнул Миша. – Разговоры потом.

– Это называется ядерной зимой, – негромко ответила Марина. – Я читала, что такой снег очень опасен. Он – как кислотный дождь. Миш! Не стоит ходить по поверхности.

– Что, Марина? Что тебе не нравится?

– Кислотный снег, к примеру. Не знаю, есть ли такое слово.

– У нас же «химза»!

– Никто не знает, как она себя поведет. Вдруг – растворится к чертовой матери!

Обзор в противогазе был маленький, бокового зрения – никакого. У Марины тотчас заслезились глаза, заломило виски. Щеки чесались и опухали от едкой противогазной присыпки. Тяжеленная химзащита была явно велика миниатюрной девушке, капюшон постоянно надвигался на лицо, закрывая плексиглас, снижая видимость. Больше всего Алексеевой хотелось скинуть это все.

– И пойти под ядовитый снег в обычной одежде, чтобы через десять минут умереть мучительной и жестокой смертью, – пробормотала Марина, успокаивая саму себя.

– Так, надо обследовать здание. Может, удастся принести что-нибудь.

– Мне нужно... Мне идти нужно! – выдавила Алексеева.

– Куда? – удивился Михаил.

– В лабораторию. Это тут, через две улицы, где-то километр по Мичуринскому.

– Растворишься на...!

– Мне надо. Идите. А я сама. – Каждое слово давалось с трудом. И, кажется, приближалась неизбежная истерика.

– Так, за старшего в первом отряде Кирилл. Бери остальных, дуйте осматривать здание. Через полчаса сбор здесь, на поверхности, у выхода с парковки. Мы с Мариной скоро вернемся, спецзадание от Николаича, – бросил Миша тоном, не терпящим возражений.

Юноша нетерпеливо махнул рукой товарищам и уверенно зашагал по проспекту. Марина едва успевала за ним, с трудом переставляя ноги в тяжелых сапогах «химзы».

Какой же страшной была дорога! Тротуар превратился в месиво из асфальтной крошки, земли и обломков кирпичей от разрушенных домов. Верхние этажи элитных высоток смело подчистую. Нижние выгорели в пламени страшного пожара. На искореженном проспекте в пробке навеки застыли автомобили. Страшные, обгоревшие кузова без стекол; почерневшие, скорчившиеся тела.

– Ударная волна? – тихо спросила Марина.

– Скорее, тепловая, – ответил Миша. – Такая бывает при взрыве, все сметает.

Дальше молчали – берегли силы. В тяжелой химзащите по пересеченной местности идти было тяжело, а сверху падал и падал снег.

Марина вытащила из нагрудного кармана карту с пометками начальника бункера, завернутую в полиэтиленовый пакет. Нужно было свернуть во дворы и пройти узкой тропинкой между остовами жилых домов. Правительственный НИИ был хорошо спрятан от внешних глаз. Трехэтажное здание без вывески не привлекало внимания москвичей, как и сотни других, подобных ему, а вход внутрь осуществлялся строго по пропускам.

Двор между тремя домами был перегорожен машинами. Несчастные жители пытались сбежать из огненного кошмара и навсегда остались погребенными под обломками в собственных машинах.

Миша подал девушке руку. Друзья взобрались на остов иномарки, оглядывая раскинутую перед ними картину. Марина тяжело дышала сквозь фильтр противогаза. Ей было страшно до потери рассудка. Ее любимый город погиб. Погиб навсегда и безвозвратно. Даже если когда-то человечество вернется на поверхность из темных казематов бункеров и убежищ, им никогда не возродит из руин славный город Москву...

Научно-исследовательский институт, неприметный и серый, выглядел плачевно. Стекла осыпались, но крепкое здание не рухнуло, лишь покосилось, готовое слиться с землей в любой момент.

– Тебе туда точно надо? – спросил Миша. Его голос прозвучал хрипло и напуганно.

Марина кивнула.

– Подожди меня здесь. Мне нужно наверх. Не ходи за мной.

Девушка торопливо дернула дверь и застыла на пороге, не решаясь пойти дальше.

– Миша... – из последних сил позвала она, привалившись к косяку.

Повсюду лежали трупы. Так как в здание не было доступа, ни бродячие собаки, ни дождь и ветер не тронули тела несчастных медиков. Они так и остались лежать на полу, скорчившись, покрытые лоскутами истлевшей одежды, почерневшие, с полопавшейся кожей.

– Идем.

Миша взял Марину за руку и потащил к лестнице, перешагивая через умерших.

– Куда дальше? Мы тут год бродить будем, – проворчал разведчик, оглядывая длинный коридор. Распахнутые двери кабинетов и лабораторий зияли черными провалами. Кое-где сохранились таблички с фамилиями.

Девушка медленно пошла вглубь здания, заглядывая в распахнутые двери. Стены толстым слоем покрывала копоть. Здесь пылал пожар, унося в небытие многолетние разработки лекарств, способных спасти жизни последним уцелевшим жителям мегаполиса.

– Тут ничего нет. Даже если бы что-то было, все равно сгорело или поплавилось, – заметил Михаил, пробираясь между обугленными остовами мебели.

– Значит, надо идти выше, – ответила Марина, с каждым шагом все больше убеждаясь в безнадежности их поисков.

– Я одного не пойму, неужели тут нет никакого бункера? – Михаила потянуло на странные размышления. Слова, глухие, гулкие из-за фильтров противогаса, но все же живые, помогали справиться с первобытным ужасом неизвестности.

– Если и был, то соединялся с метро. Тут никого не осталось. Если кто-то и есть под землей, то университетские, из МГУ. Может быть, они выйдут с нами на связь. Если остались живы, – тихо заметила девушка. – Идем выше. Может, там нам повезет больше.

На третьем этаже было не так страшно – все умерли внизу, у выхода из здания. Кроме того, верхний этаж меньше пострадал от пожара. Коридор был завален осколками кирпича и стекла, пол усыпали потемневшие от жара бумаги и папки.

– Разделимся, чтобы сэкономить время. Иди в правое крыло, я отправлюсь в левое. Через пять минут встретимся тут, – велела Марина. Миша пожал плечами и без возражений отправился в сумрак коридора, заглядывая в двери кабинетов.

Алексеева поторопилась вперед.

В левом крыле оказалась только одна металлическая дверь, в отличие от всех остальных, плотно закрытая. Табличка на стене гласила «Лаборатория экспериментальной геронтологии и фармацевтики. Посторонним вход воспрещен. Отв. Кругликова О. Е.». У стены лежала мумия женщины в истлевшем белом халате. В руках она сжимала пластиковую папку, на которой было написано черным маркером «Зав. лаб. геронтологии, профессор Кругликова». Как капитан корабля, ученая дама осталась на тонущем судне до конца и приняла смерть у дверей своей лаборатории, но не оставила ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.